

Туган-Барановский Михаил. Пьер- Жозеф Прудон. Его жизнь и общественная деятельность

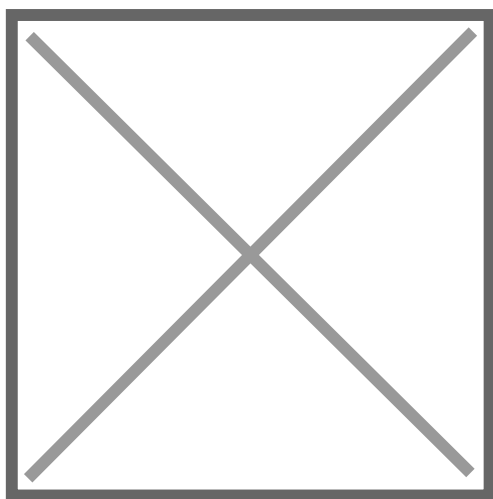
1891, источник: [Викитека](#), Биографический очерк М. Туган-Барановского

- ГЛАВА I. Детство Прудона. — Занятия в колледже. — Работа в типографии. — Дружба с Фалло. — Первый литературный труд и получение стипендии Сюара
- ГЛАВА II. Жизнь Прудона в Париже. — Появление первого мемуара о собственности. — Столкновение с Безансонской академией наук. — Суд над Прудоном. — Служба у Готье. — Новые знакомства
- ГЛАВА III. Литературная деятельность Прудона до февральской революции. — «Что такое собственность?» — «Экономические противоречия, или Философия нищеты»

- ГЛАВА IV. Февральская революция и участие, которое принимал в ней Прудон. — Деятельность его в Национальном собрании. — Борьба с радикалами. — Присуждение Прудона к тюремному заключению за ос
- ГЛАВА V. Народный банк Прудона. — Другие аналогичные попытки реформы денежного обращения во Франции и Англии
- ГЛАВА VI. Жизнь Прудона в тюрьме. — Его женитьба. — Отношение к жене и детям. — Литературные работы. — Теория анархизма. — Проекты разных хозяйственных предприятий
- ГЛАВА VII. Вторичное осуждение Прудона и бегство его в Бельгию. — Последние литературные произведения. — Возвращение в Париж. — Смерть Прудона
- Источники

ГЛАВА I. Детство

Прудона. — Занятия в колледже. — Работа в типографии. — Дружба с Фалло. — Первый литературный труд и получение стипендии Сюара

Пьер Жозеф Прудон родился 15 января 1809 года в предместье города Безансона, родины В. Гюго. Его отец был крестьянином и служил рабочим на пивоваренном заводе. Когда в 1814 году во время осады Безансона пивоваренный завод был разрушен, Прудон-отец переменял свое занятие — купил дом и устроил на собственный счет бочарное заведение. Но ему

вообще не везло в хозяйственных предприятиях: бочарное заведение шло плохо, и семья жила впроголодь, на краю нищеты. Небольшой участок земли, которым он владел, был продан в уплату долга, жить стало еще труднее. Будущему противнику собственности и процента пришлось рано познакомиться с неприятными последствиями кредита в современной его форме. По этому поводу он делает замечание в одном из своих сочинений, что, если бы во Франции существовала правильная организация земельного кредита, из него мог бы выйти мирный деревенский собственник. С последним, разумеется, согласиться довольно трудно, так как Пьер Жозеф обладал слишком сильной и независимой натурой, чтобы удовлетвориться обыденным существованием.

Его отец, по отзывам лиц, его знавших, был человек малообразованный, не выдающийся ничем особенным, но честный и прямой. Он происходил из младшей линии рода Прудонов. Члены старшей линии стояли выше по своему общественному положению и принадлежали к среднему кругу. Один из них был известным профессором и юрисконсультom в Дижоне. Члены младшей линии были бедны и жили ручным трудом; старшие Прудоны являлись консервативным элементом и, обладая достаточными имущественными средствами, пользовались всеми благами жизни. Между обеими линиями существовал некоторый традиционный антагонизм. Несмотря на неравенство общественного положения, родственники встречались довольно часто, и тут между ними происходили разные стычки, вызывавшиеся различием их взглядов и убеждений. Будущему писателю пришлось не раз присутствовать при таких стычках, и он рассказывал впоследствии, как страдало при этом его детское самолюбие и как тяжело ему было переносить пренебрежительное отношение богатых родственников.

Мать Пьера Жозефа, Катерина Прудон, была женщина с настойчивым и упорным характером; она заправляла всем в доме и пользовалась большим уважением всей семьи. Пьер Жозеф унаследовал ее характер и был к ней очень привязан. В зрелом возрасте, несмотря на всю разницу в их развитии, он оставался таким же любящим и нежным сыном, каким был в детстве. Свою старшую дочь он назвал в память матери Катериной. Вообще, Прудон гордился своими родителями, любил рассказывать разные эпизоды из их жизни, и когда в 1848 году ему случилось оппонировать в палате одному легитимисту, хваставшемуся знатностью своего рода — он воскликнул: «У меня 14 предков мужиков — назовите мне хоть одно семейство, имеющее столько благородных предков!»

До 12 лет Пьер Жозеф вел обычную жизнь деревенского мальчика, пас коров, проводил целые дни в поле. Свою пастушескую жизнь он описывает такими поэтическими красками:

«Сколько удовольствия доставляло мне валяться в густой траве, которую я хотел бы есть, как мои коровы; бегать босиком по тропинкам, лазить по деревьям, ловить лягушек и раков! Сколько раз мне случалось теплым июньским утром скидывать одежду и купаться в росе! Я едва отличал себя от окружающей природы. Я — это было все, что я мог взять рукой, все, что могло мне на что-нибудь пригодиться; не я — все то, что мне было неприятно. Я наполнял свои карманы ежевикой, зеленым горошком, зернами мака, терном, шиповником; я наедался разной дрянью, от которой заболел бы всякий благовоспитанный ребенок и которая только увеличивала к вечеру мой аппетит. Сколько раз мне приходилось мокнуть под проливным дождем! Сушить свою одежду на солнце или на ветре! Я любил своих коров,

но не всех одинаково; я предпочитал ту или другую курицу, то или другое дерево, тот или другой утес. Мне сказали, что ящерица — враг человека; я этому искренне верил. Я воевал со змеями, жабами и гусеницами. Что они мне сделали? Ничего. Но я их ненавидел».

Такая привольная деревенская жизнь не прошла для Прудона бесследно. По роду своих занятий он должен был жить в городе; но детские воспоминания неотразимо привлекали его в деревню, на берега Оньюна, туда, где родилась его мать и где она умерла. Ему пришлось так много вынести в своей жизни, возбудить против себя столько ненависти и злобы, что он не мог не чувствовать временами усталости и упадка сил; в такие минуты он говорил, что может быть счастлив только в своей родной деревушке и что там он должен закончить свою жизнь.

Но Прудону недолго пришлось жить в деревне. Нужно было зарабатывать хлеб, и он поступает в услужение в гостиницу. Переход от полной свободы к скучной и неинтересной работе в городе был для него очень тяжел. Он и раньше отличался нелюдимостью — теперь же сделался еще более замкнутым и сосредоточенным в себе.

При помощи и протекции Рено, бывшего владельца того самого пивоваренного завода, где служил отец Прудона, родителям удалось поместить его в коллеж. Пьеру Жозефу приходилось учиться при самых неблагоприятных условиях. Книг у него не было, так как не на что было их купить; его наказывали, по его собственным словам, более ста раз за неимение учебников. Переводил он без лексикона и значение незнакомых слов узнавал, приходя в коллеж перед началом уроков. В свободное от учения время он исполнял разные хозяйственные поручения отца. Несмотря на все это, мальчик учился прекрасно и шел одним из первых. С товарищами он не сходилась и держался особняком.

Уже в это время Прудон начинал размышлять о несправедливости судьбы, которая заставляет его покупать ценой громадных усилий то, что другим дается даром. Он признавал себя умнее, способнее и энергичнее своих сверстников, между которыми было много богатых людей. Бедность, говорил юноша, не есть порок, но она хуже порока. Он решил разбогатеть, выбиться из той колеи, в которую поставила его судьба. Но как разбогатеть? Отец его трудился и трудится всю жизнь. Однако же он не богат. Следовательно, одна работа не дает богатства; нужно знание, в знании заключена великая сила, и только с ее помощью можно сделаться богатым и могущественным, можно добиться успеха в жизни. И Прудон со странным увлечением читал и перечитывал все, что попадалось ему под руку.

Не нужно забывать, что он развивался совершенно самостоятельно, без всякой помощи и руководства с чьей бы то ни было стороны. Прудон был в полном смысле слова самоучкой. С 12 лет он усердно посещал городскую библиотеку и спрашивал всегда так много книг и книг такого разнообразного содержания, что под конец решительно заинтересовал собою ученого библиотекаря и академика Вейса. Последний однажды спросил угрюмого и застенчивого мальчика, избегавшего всяких разговоров с чужими людьми, зачем нужно ему столько книг. Прудон поднял голову, посмотрел, нахмурившись, на Вейса и коротко ему ответил: «Какое вам до этого дело?»

Первые книги, которые он мог назвать своими собственными, были сочинения по большей части религиозно-нравственного содержания, полученные им в награду за успехи в коллеже. Случилось так, что в тот самый день, когда в колледже происходила торжественная раздача наград, семья Прудона со страхом ожидала решения одного процесса, неудача которого могла окончательно ее разорить. Пьер Жозеф вернулся домой, увенчанный лаврами, и застал мать в слезах: процесс был проигран. Легко представить себе впечатление, которое должны были производить такие события на душу самолюбивого, восприимчивого мальчика.

Детская любознательность предоставленного самому себе ребенка прежде всего обратилась на вопросы религиозного характера. Ему случилось получить в награду книгу Фенелона «О доказательстве бытия Божия». Он искренне и наивно верил в Бога, но доказательства Декарта, приводимые Фенелоном, его не удовлетворяли. Его мучили религиозные сомнения, и он пытался сам разрешить их, но скоро убедился, что задача ему не по силам; тогда он с жадностью набросился на теологическую литературу и стал читать одно за другим богословские сочинения. Тринадцатилетнему мальчику трудно было разобраться в противоречивых мнениях, с которыми ему приходилось сталкиваться, и всякая новая книга возбуждала в нем всё новые и новые сомнения. Он исповедовал последовательно все ереси, осужденные церковью в первые века христианства, в конце концов остановился на религии, знакомой ему с детства, и сделался на некоторое время верующим католиком.

Когда Прудону исполнилось 19 лет, он оставил колледж, не закончив курса, по недостатку материальных средств, и поступил рабочим в типографию Готье в Безансоне. С этого времени начинается его самостоятельное трудовое существование. В его жизни было много перемен, ему случалось пользоваться большим политическим влиянием, и были моменты, когда он мог мечтать сделаться президентом Французской республики, но он всегда оставался бедным и трудящимся человеком. Его мечты разбогатеть не осуществились. Литература дала ему славу, но не могла доставить верного и обеспеченного заработка, и ему пришлось впоследствии не раз сожалеть о брошенном типографском станке. С особенной любовью он сохранял до конца жизни свою рабочую книжку, куда вносились отзывы его хозяев. Отзывы были самые хорошие.

Так как типография Готье издавала по большей части книги теологического характера, молодому рабочему представился удобный случай увеличить свои, и без того довольно обширные, теологические познания. Заинтересовавшись текстом латинского перевода Библии, он принялся за изучение греческого и еврейского и в скором времени мог на обоих языках читать довольно свободно.

Примерно в это время он познакомился с замечательным человеком — Густавом Фалло, которому преждевременная смерть помешала достигнуть известности. Судьба Фалло во многих отношениях напоминает судьбу самого Прудона. Оба были бедны, должны были биться из-за куска хлеба, оба соединяли горячую любовь к знанию с умением и привычкой трудиться. Фалло был первым, кто получил в Безансонской академии стипендию имени Сюара. Эта стипендия должна была выдаваться молодым людям, проявившим выдающиеся научные или литературные дарования, но не обладающим достаточными средствами к

жизни. Фалло редактировал некоторые издания Готье на латинском языке. Он заинтересовался молодым наборщиком, которому случалось поправлять ошибки в латинском тексте, ускользавшие от его собственного внимания. Мало-помалу они сблизились и подружились. Фалло был первым другом Прудона, и тот до конца своей жизни не мог его забыть. Они решили жить вместе, делить пополам академическую стипендию и общими силами выбиться на дорогу. Сохранилось одно довольно интересное письмо, где Фалло предсказывает блестящую будущность молодому безвестному наборщику. Он пишет: «Вы будете, Прудон, вопреки Вашей воле, неизбежно, писателем и профессором; Вы будете одним из светил нашего века и Ваше имя будет такой же славой XIX столетия, как имена Гассенди, Декарта, Мальбранша и Бэкона — слава XVII, а имена Дидро, Монтескье, Гельвеция, Локка, Юма и Гольбаха — слава XVIII столетия. Делайте, что хотите; работайте в типографии, давайте уроки, удалитесь в самую глухую и заброшенную деревню, все равно: Вы не избежите своей участи».

Но Фалло не пришлось дожить до того времени, когда друг его действительно сделался писателем и начал приобретать известность. Он умер в 29 лет, через несколько лет после получения стипендии Сюара.

В качестве наборщика Прудон в 1831 году отправился странствовать по Франции, работая в разных провинциальных городах. Он побывал на юге, в Марселе и Тулоне. В Тулоне у него произошло столкновение с местным мэром, которое довольно хорошо обрисовывает молодого Прудона. Он не мог найти себе работы; в кармане у него было только около рубля. Но молодой наборщик не терял присутствия духа и решил обратиться с требованием работы к мэру.

Мэру он предъявил свою рабочую книжку, где содержались полицейское удостоверение его личности и аттестаты хозяев. Так как кража и нищенство запрещены законом, заявил Прудон мэру, то он требует от правительства работы. Разумеется, никакой работы он не получил; мэр пригрозил выслать его из города, и он принужден был удалиться с пустыми руками, не имея возможности постоять за то, что он считал своим правом, но дав себе слово никогда не забывать этого случая.

Вернувшись в Безансон, Прудон вместе с одним товарищем устроил свою собственную небольшую типографию. Он продолжал много читать, по-прежнему без особенного выбора и без всякой системы. Кроме теологии и философии, он интересовался в это время языкознанием. Круг знакомых Прудона значительно расширился, и он приобрел нескольких новых друзей, из которых наиболее замечательны Бергман и Аккерман. Первый был известным филологом, сделавшимся впоследствии профессором в Страсбурге. Прудон постоянно относился к нему с большим уважением и дружбой. Переписка между ними продолжалась всю жизнь. Аккерман тоже был филологом, хотя и не таким известным. Он пописывал стихи, не имевшие в публике особого успеха, и мечтал реформировать французскую поэзию и прозу. Эти два человека, и в особенности Бергман, оказали большое влияние на умственное развитие Прудона. В жизни последнего дружба вообще играла очень большую роль. Можно сказать, что для него дружба была тем, чем является любовь для большинства людей. Любви к женщине Прудон почти не знал. Во всей его громадной переписке можно найти только одно письмо, где он говорит о своей любовной истории. Его

первая любовь была и последней. Он любил простую девушку, работницу в Безансоне. Обстоятельства их разлучили, — кажется, он не особенно горевал об этом. В письме к ней он говорит, что участь хороших и честных людей — страдание, что он будет бороться против зла и несправедливости в человеческом обществе, а она должна молиться о его успехе, о том, чтобы у него хватило силы и мужества для борьбы. Все письмо дышит решимостью и энергией, но в нем не видно любви, не видно искреннего и глубокого чувства.

Но если Прудон мало любил женщин, он мог быть верным и преданным другом и товарищем. Друзья составляли для него семью, с ними он делился всеми своими радостями и горестями, сообщал им все свои заветные мысли, жил с ними общей жизнью. Для того, чтобы повидаться с Бергманом, который был в отсутствии около года, он не побоялся пройти пешком все расстояние от Парижа до Безансона, искалечить себе ноги и утомить себя до последней степени, — и все это ради того, чтобы его друг не уехал, не простившись с ним. После того, как Бергман женился и стал реже переписываться с Прудоном, последний пишет ему письмо, полное тревоги за охлаждение их дружбы; письмо начиналось словами: «У меня двенадцать друзей, которых я не забываю ни при каких обстоятельствах, которые составляют существенный элемент в моей жизни и с которыми я совещаюсь относительно всего, что предпринимаю. Ты из них первый, но теперь ты стал мужем и отцом семейства. Не изменился ли ты ко мне? Отвечай мне, докажи мне, что я не прав. Мне это необходимо».

В письме к одному из этих двенадцати, доктору Маге, Прудон поместил следующий красноречивый дифирамб дружбе: «Что такое жизнь без дружбы? Наука искушает ум и губит чувство; власть опьяняет человека и тешит его тщеславие; религия без добрых дел — одно лицемерие. Богатый мне ненавистен своим эгоизмом; я презираю беспечность и ветреность влюбленного; сластолюбивый эпикуреец внушает мне отвращение. Но как только божественная дружба осеняет мою душу, все приобретает новый блеск и сияние. Дружба облагораживает наслаждение, любовь, власть, богатство, науку и религию; все становится возвышенней и чище благодаря дружбе. Я смею гордиться: я всегда имел друзей. Никогда, ни в какую минуту жизни, я не чувствовал пустоты в своем сердце, не испытывал недостатка в дружбе».

И действительно, друзья Прудона умели его ценить и относились к нему так же тепло и искренне, как он относился к ним. Со многими он остался дружен до конца жизни, несмотря на различие их общественного положения и политических убеждений. Как человеку бедному, часто даже крайне нуждающемуся, ему много раз приходилось пользоваться материальной поддержкой друзей, — и это не портило их отношений, не вносило диссонанса в их взаимное доверие и уважение. Хотя общественное положение Прудона в начале 30-х годов было далеко не блестящее и он не имел никакого образовательного ценза, он пользовался таким уважением со стороны людей, его знавших, что ему предложили быть редактором местной газеты. Но Прудон не решился взяться за это дело; он не чувствовал себя способным быть публицистом и говорить с одинаковой легкостью обо всем в мире. Кроме того, он желал придать газете республиканский характер, что совсем не соответствовало видам издателя.

В 1837 году Прудон написал свое первое сочинение «Опыт всеобщей грамматики». Это была небольшая брошюра, составляющая нечто вроде приложения к научному сочинению аббата

Бернсье «Основные элементы языков». Молодой автор не проходил правильного и систематического курса языкознания и потому в своем «Опыте» сделал несколько довольно странных заключений, от которых впоследствии он сам отказался. Между прочим, он говорит, что на основании изучения языков можно утверждать единство человеческого рода и происхождение всех племен от еврейского народа. Ему кажется, что при помощи языкознания можно доказать не только существование Бога, но и все основные догматы католической религии. Прудон был совсем не знаком с санскритом, и уже по одному этому его попытки объяснить происхождение языков не могли быть удачными, что не помешало ему, однако, обнаружить в написанном впервые сочинении все особенности своего дарования — местами блестящий стиль, не вполне ясное и систематическое изложение, остроумные, но рискованные заключения, отрывочную и неполную эрудицию. Прудон представил свою брошюру в Безансонскую академию наук для соискания премии Вольнея. Академия не присудила ему премии, но обратила внимание на его труд как на оригинальный и доказывающий большую силу мышления в авторе. При этом академия выразила сожаление, что автор слишком часто уклоняется от опытного и сравнительного научного метода. Недостаток научного метода навсегда остался слабой стороной сочинений Прудона.

В 1838 году его компаньон по типографии застрелился, а так как типография существовала главным образом на капиталы последнего, то Прудон вынужден был ликвидировать свои дела и искать другого заработка. Ликвидация была очень убыточна и тянулась в течение нескольких лет. В это критическое для себя время Прудон послал в Безансонскую академию петицию о присуждении ему стипендии имени Сюара. Он описывал в ней свою жизнь, полную труда и лишений, свою дружбу с Фалло, свои религиозные сомнения, закончившиеся убеждением в истинности догматов католицизма, и в конце выражал твердую решимость работать в области науки и философии на пользу рабочего класса, из которого он сам вышел.

Безансонская академия была поставлена в очень затруднительное положение этой петицией. Нельзя было не признать в молодом типографе выдающихся дарований и способностей; его петиция была мастерским произведением, написанным сильным и энергичным слогом, полным воодушевления и веры в будущее. Но, с другой стороны, академию смущали некоторые чересчур резкие выражения Прудона. Ученые мужи не могли не опасаться своего будущего питомца, который так смешно и открыто называет себя представителем рабочего класса и говорит от его имени. Академия разделилась на две партии, но в конце концов, после продолжительных дебатов, сторонники Прудона победили, и он мог на некоторое время считать себя обеспеченным в имущественном отношении. Обеспечение, впрочем, было небольшое: стипендия состояла из 400 рублей, выдаваемых ежегодно в течение трех лет.

Прудону эти 400 рублей казались целым богатством. Помимо того, что стипендия давала ему возможность поехать в Париж и заниматься там на свободе, для него важна была нравственная сторона дела. Ему казалось, что он одержал первую победу, за которой скоро должны последовать другие. Он пишет восторженное письмо Аккерману: «Меня все поздравляют с тем, что я теперь могу сделать карьеру и достигнуть почета и блестящего положения в свете, сравняться, а может быть, и превзойти Жоффруа, Пулье и других. Никто не говорит мне: Прудон, ты должен быть предан делу бедных, освобождению угнетенных,

просвещению народа. Твои братья смотрят на тебя. Им нечем тебя вознаградить, но их благодарность дороже золотых монет. Страдай и умри, если понадобится, но говори людям истину и стой за сироту».

Почувствовав под собой твердую почву, Прудон с жаром и увлечением принялся за научные и философские занятия.

Уже через несколько месяцев после получения стипендии Сюара у него была готова новая работа — «О праздновании Воскресенья». Это его первый труд, посвященный тем же вопросам, разрешение которых составило впоследствии задачу его жизни. Вообще, в этой небольшой, но любопытной и хорошо написанной брошюре можно встретить все позднейшие теории Прудона.

ГЛАВА II. Жизнь Прудона в Париже. — Появление первого мемуара о собственности. — Столкновение с Безансонской академией наук. — Суд над Прудоном. — Служба у Готье. — Новые знакомства

Примерно в это время Прудон переехал в Париж. Столица, шумная уличная жизнь, легкомыслие парижского рабочего и его бесшабашное веселье — все это произвело тяжелое впечатление на душу сурового, застенчивого провинциала. Он чувствовал себя не по себе в Париже, его тянуло в Безансон, к друзьям и знакомым.

Подъем духа, вызванный в нем получением стипендии Сюара, сменился неуверенностью в будущем, недовольством условиями жизни и унынием. Знакомых у него в Париже не было, он пробовал сойтись с профессорами, лекции которых ему довелось слушать, но застенчивость и непривычка к светской жизни ставили его в неловкое положение в обществе, и мало-помалу он стал его чуждаться. В своих письмах он жалуется на мрачное расположение духа, на меланхолию, которая в нем все более и более развивается. Парижане ему не нравятся: это народ пустой, неспособный к решению великих задач современности. Быть может, думает Прудон, его земляки из Франс-Конте призваны спасти

человечество и преобразовать весь политический и социальный строй Франции. Только они сохранили свежесть и силу духа, только они способны соединять стремление к высокому идеалу с трезвым реализмом, с любовью к действительной, повседневной жизни.

Тяжелое нравственное состояние Прудона еще более усиливалось из-за материальных затруднений. Он не имел никаких доходов, кроме четырехсот рублей из академии, но и из этих денег большую часть отдавал своей семье. Ему приходилось существовать на полтора рубля в год, голодать, отказывать себе во всем необходимом, в то время как вокруг него веселились и жили в роскоши и довольстве. Несколько раз во время его одиноких прогулок по берегу Сены ему приходила в голову мысль покончить со всем и броситься в реку. Одиночество и нищета его угнетали. Он жалел, что оставил свое прежнее ремесло и сделался литератором. В типографии, за своим станком, он был гораздо счастливее. Он пишет Бергману, что его состояние так ужасно, что если бы он внезапно разбогател, то кошмар теперешней нищеты преследовал бы его в течение нескольких лет.

В таком состоянии духа Прудон пишет свою знаменитую книгу о собственности. Он писал ее неровно; временами ему казалось, что труды его напрасны и что ему не удастся преодолеть вражду сытых буржуа и апатию читающей публики. В другие моменты энергия его воскресала, и он верил, что своей книгой спасет Францию.

В Безансоне Прудон искал еще на ощупь свою настоящую дорогу, бросался из стороны в сторону, изучал теологию, языки и метафизику и мечтал быть философом и богословом. Симпатии и впечатления всей его трудовой жизни влекли его в другую сторону, к изучению социальных явлений. Но развитие пошло совершенно случайно; случайно ему пришлось ознакомиться в типографии со многими богословскими сочинениями, он заинтересовался языкознанием. Все это имело мало отношения к той задаче, которую он ставил целью своей жизни, — все это не могло объяснить ему причины бедности на земле и дать орудие для борьбы с нищетой и пороком. В Париже ему случилось прочесть несколько сочинений французских экономистов — Росси, Сэя и других; он заинтересовался незнакомой ему областью знания и в скором времени почувствовал, что его настоящее призвание заключается в исследовании социальных явлений. Интересно следить за его перепиской в то время, когда он писал свой мемуар о собственности, создавший ему известность и более всех последующих сочинений способствовавший тому недоразумению, за которое так много пришлось пострадать ему самому. После знаменитой фразы Прудона «собственность есть кража» читающая публика и правительство стали видеть в нем революционера, опасного врага существующего социального строя. Между тем это была глубокая ошибка. Прудон любил сильные выражения, и в его переписке изобилуют подобные фразы: «Проклятие собственности!», «Я убью в отчаянной схватке собственность и несправедливость» и так далее. Но все это были только страшные слова. В действительности он вовсе не желал какого-либо радикального переворота и отлично мирился с режимом Луи Филиппа. Резкость его стиля достаточно объясняется условиями его жизни, — мы видели, при каких безотрадных обстоятельствах приходилось Прудону писать свой первый мемуар о собственности.

Первое время после напечатания своего мемуара «Что такое собственность?» Прудон был упоен гордостью и надеждой на успех. Он пишет Бергману, что вряд ли какое-либо

открытие имело такое значение для человечества, какое будет иметь его книга. Пусть только ее прочтут — и современный общественный строй погиб навсегда.

Читая подобные заявления, нельзя не улыбнуться наивности молодого автора. Самоуверенность и непоколебимое убеждение в высоком значении своих мыслей составляли всегда его отличительную черту. Впоследствии, однако, жизнь порядком его поизмяла, и когда ему пришлось убедиться, что не так-то легко сразу изменить убеждения человечества, — он стал более осторожен в своих выражениях и перестал предаваться неумеренным надеждам. Но Прудон всегда оставался оптимистом, несмотря на свой сумрачный нрав, раздражительность и суровость, и никогда не терял надежды преодолеть все препятствия и добиться успеха.

В данном случае автору пришлось испытать жестокое разочарование. Почти ни одна газета не поместила отзывов о новой книге; читатели тоже отнеслись к ней довольно холодно, и издатель рисковал потерпеть убыток. Прудон видел в этом заговор молчания со стороны прессы, интриги своих врагов в обществе и печати; в дружеской переписке он наполняет целые страницы жалобами на тупоумие современного читателя, который не имеет своего мнения и ходит на помочах у газетных писак.

Мемуар Прудона произвел больше всего впечатления на Безансонскую академию наук. Легко себе представить, как были удивлены и оскорблены ученые мужи этой книгой, автор которой объявляет академию солидарной с предпринятым им походом против частной собственности. Дерзкого стипендиата вызвали к академическому суду и объявили ему от лица всей академии публичное порицание. Кроме того, имелось в виду лишить его стипендии.

Прудон был несколько встревожен академическими громами и еще более — перспективой лишиться своего главного дохода. Но он не захотел без боя уступать свою позицию и послал в академию длинное защитительное письмо, в котором почтительные выражения искусно перемешиваются с угрозами. Он доказывал, что его доктрины не заключают в себе ничего революционного и что академия повредит самой себе в общественном мнении, возбудивши гонения против свободы научного исследования.

Правительство Луи Филиппа тоже было несколько встревожено мемуаром Прудона и намеревалось преследовать автора в судебном порядке. Грозные тучи, собравшиеся над головой молодого писателя, рассеялись только благодаря вмешательству известного экономиста и члена Парижской академии — Бланки. Бланки представил в Парижскую академию наук довольно сочувственный доклад о вновь появившейся книге; он не соглашался со многими положениями автора и осуждал его резкий стиль, но признавал в новом исследовании о собственности крупные научные достоинства. Безансонская академия не решилась преследовать своего стипендиата за то самое сочинение, которое одобрил Бланки, и Прудон благополучно вывернулся из беды.

Он не забыл услуги, оказанной ему Бланки, и с того времени охотно пользовался всяким случаем, чтобы выразить последнему свое глубокое уважение и благодарность. Можно даже сказать, что благодарность Прудона переходила должные границы, ибо она заставляла его

печатно петь хвалебные гимны Бланки, хотя последний мало чем отличался от других экономистов буржуазного направления, с которыми Прудон вел ожесточенную полемику.

После того, как кончился срок получения стипендии Сюара, Прудон поступил секретарем к одному богатому члену суда, занятому составлением трактата по юриспруденции. Это был неглупый, но совершенно бездарный и необразованный человек, напыщенный и самолюбивый. Секретарь должен был помогать ему при составлении трактата, исполнять всякую черновую работу, которая самому автору покажется неинтересной или обременительной. Новый патрон Прудона был важной особой и относился довольно пренебрежительно к бедному молодому человеку, не имевшему ни состояния, ни положения в свете. Но секретарь умел за себя отомстить и потешался над своим патроном, подсказывал ему такие мысли, от которых этот либеральный буржуа пришел бы в ужас, если бы только был способен понять их значение. В сущности, трактат по юриспруденции писал Прудон своими личными силами, а номинальный автор только соглашался со своим секретарем и приходил в восторг от его изобретательности. При этом Прудон имел свои тайные цели, которые заключались в следующем: он хотел, чтобы написанная им книга вышла за чужой подписью в свет, и когда она будет одобрена буржуазной печатью, в чем, ввиду влиятельного положения ее номинального автора, не могло быть сомнения, тогда коварный секретарь рассчитывал открыть свои карты, развить в особом сочинении свои мысли, сделать выводы из всего того, что было им подсказано патрону, и вдоволь посмеяться над критиками и над автором. До того времени он рассчитывал водить своего патрона за нос и не подавать никакого вида, что трактат по юриспруденции составляется им одним.

Но, как видно, патрон Прудона не был на самом деле так простоват, как считал последний, и они в скором времени разошлись, не окончив труда. Этот эпизод любопытен в том отношении, что он показывает нам некоторые довольно характерные черты Прудона. Он не отличался искренностью и прямоотой в отношениях с людьми. Он был человеком убежденным и, без всякого сомнения, глубоко верил в справедливость всех своих основных положений в области науки и философии. Но в своей личной жизни он был склонен к компромиссам, к таким сделкам, которые иногда не вполне мирились с его принципами.

В это время Прудон много занимается философией, чтобы пополнить свою философскую эрудицию, на недостаточность которой указал ему Бергман. Он читает Канта и очень им увлекается; с французской философией он был более или менее знаком, прослушав в Сорбонне курс лекций по предметам, наиболее его интересовавшим. По своему обыкновению, он предается самым радужным надеждам относительно переворота, который произведут в умах современников его будущие труды. Свои социальные исследования Прудон думает основать на метафизике, под которой, кстати сказать, он понимает не то мнимое знание, которое окрестил этим именем Кант; для Прудона метафизика есть наиболее общая абстрактная система законов, управляющих мирозданием. Он мечтает достигнуть славы Лейбница и Канта, несмотря на все неблагоприятные условия своей жизни, несмотря на то, что жизненный путь этих мыслителей сравнительно с его собственным был усеян розами.

Зная, что в правительственных сферах смотрят на него очень косо, Прудон послал министру внутренних дел Дюшателю два своих первых мемуара о собственности. Второй мемуар был им написан в форме открытого письма к Бланки. По его глубокому убеждению, мысли, которые он развивает в своих произведениях, не заключают в себе ничего такого, что могло бы не понравиться консервативному министру. Он надеется, что министр это поймет и избавит его от тех неприятностей, которыми сопровождалось печатание его первого мемуара.

Вскоре после этого он напечатал открытое письмо к Консидерану, известному ученику и последователю Фурье. Сообщая об этом своим друзьям, Прудон говорит среди прочего, что он в непродолжительном времени перейдет со всем своим добром на сторону правительства. Как бы по некоторой иронии судьбы, через несколько дней после этой фразы правительство возбудило против автора письма к Консидерану судебное преследование.

Прудон оставил в письме к Аккерману очень юмористическое описание этого процесса. Ему приходилось иметь дело со своими старыми врагами — академиками, так как процесс был возбужден в Безансоне под тайным влиянием местной Академии наук. Прокурор произнес громовую речь, обвиняя подсудимого в возбуждении путем печати ненависти к правительству и имущему классу, неуважении к религии и так далее, он требовал, чтобы подсудимый был присужден к уплате значительного денежного штрафа и пятилетнему тюремному заключению. Положение подсудимого было довольно затруднительным: он не мог отрицать тех выражений своей брошюры, на которых было построено обвинение. Нужно было как-нибудь вывернуться. Вот как он сам описывает этот процесс:

«Я защищал себя сам; моя речь длилась два часа. Представьте себе удивление всех этих любопытных, священников, женщин, аристократов и т. д., когда вместо республиканца в красном жилете, с козлиной бородой и замогильным голосом, они увидели маленького блондина со светлым цветом лица, с простой и добродушной физиономией и спокойными манерами, утверждающего, что он обвиняется только по недоразумению со стороны судей, которых он тем не менее одобряет за их усердие; доказывающего, что его идеи нисколько не расходятся с общепринятыми и не только не враждебны правительству, а напротив того, должны быть ему только приятны... Представьте себе, говорю я, человека, обвиняемого в заговоре против существующего строя, который преподносит в виде защитительной речи такой неудобоваримый трактат по политической экономии, что все признались в неспособности что-либо из него понять. Председатель суда заявил: „Этот человек вращается в сфере идей, недоступных для толпы. Мы не можем обвинять на ветер, а кто может поручиться в его виновности?“... Но это не все: обвиненный в том, что я возбуждаю ненависть и презрение к философам, журналистам, чиновникам, депутатам и прочим, я воспользовался этим случаем, чтобы выяснить с научной точки зрения значение этих общественных классов. С самым серьезным видом я сыпал сарказмами, острил, подпускал шпильки и делал очень прозрачные намеки на некоторых особ, сидевших в зале. Это произвело поразительный эффект. Присяжные переглядывались и кусали губы от смеха; судьи смотрели вниз, чтобы сохранить свое достоинство, а публика заливалась хохотом. Я был оправдан при всеобщих аплодисментах, и сами судьи поздравляли меня и пожимали мне руки».

Прудон был очень доволен своей победой. В ней он видел доказательство своей практической ловкости, умения говорить людям в глаза самые горькие истины, не оскорбляя их и не вызывая с их стороны преследований. После этого эпизода Прудон еще более укрепился в мысли, что он может отлично поладить с Июльским правительством.

Однако, заботясь о примирении с властями, он не забывал в то же время искать популярности среди общества и народа. Его очень беспокоит та мысль, что он должен был раскрыть свои карты: должен был показать, что его нападения на собственность не имеют своей целью радикальное и немедленное преобразование этого социального института и что по существу его доктрины не враждебны правительству. Это может уронить его в общественном мнении, может оттолкнуть от него многих глупцов, готовых немедленно кричать о подкупе. Ему бы хотелось вести двойную игру: быть в ладу с правительством и казаться в то же время его противником.

Мы уже говорили, что прямота и искренность не были достоинствами Прудона. В данном случае его поведение может быть прямо названо лицемерным; он обманывает своих читателей ради того, чтобы не потерять популярности. Он не прибегает к сознательной лжи — это было бы уж слишком нехорошо; но он не прочь ввести читателя в заблуждение резкостью тона, темными намеками, недосказанными фразами. Он сам следующим образом определял характер своей деятельности: «Непоколебимость принципов, постоянные сделки с людьми и обстоятельствами». С таким девизом можно примириться, если сделки совершаются ради успеха самого общественного дела, если этого требуют высшие интересы. Но Прудон частенько вступал в сделки со своей совестью под влиянием чисто личных мотивов, например, под влиянием тщеславия, боязни за свою личную безопасность и так далее.

Правда, попытки Прудона одурачить людей, с которыми он общался, редко имели успех, и обыкновенно он сам оставался одураченным. В сущности, он совсем не был практичным человеком и потому до конца жизни не мог мало-мальски сносно устроить свои дела. На первом плане для него всегда стояла идея, и он горячо любил истину, хотя и не совсем бескорыстной любовью. Все это время он жил в Париже, изредка заглядывая на свою родину, во Франш-Конте. Положение его среди парижского общества мало изменилось со времени его приезда в столицу. Он был так же изолирован, так же мало сочувствия встречал и поддержки со стороны столичной прессы и со стороны вожаков общественного мнения. С социалистами и республиканцами Прудон был в открытой вражде; с защитниками июльской монархии он не мог иметь ничего общего ни по своему характеру, ни по своим убеждениям. Он мог высказывать пожелания сблизиться с правительством, но при первом столкновении с людьми правительственной партии ему становилось ясно, какая глубокая пропасть отделяет его от сытых и довольных буржуа, составлявших опору трона Луи Филиппа. У него оставались друзья, но друзья эти были далеко от Парижа, разбросанные по всей Франции. Некоторые из них хорошо устроились: Бергман женился на любимой девушке, был счастлив и пользовался общим уважением в Страсбурге. Другим не повезло: Аккерман не мог ужиться во Франции и переселился в Берлин. Связь между всеми ими поддерживалась только благодаря Прудону. Он сообщает им сведения друг о друге и часто журит их за недостаток дружбы, за то, что новые привязанности мало-помалу вытесняют старые.

Денежные средства Прудона были, по обыкновению, не блестящими. Он зарабатывал немного литературой и продолжал получать небольшие и неверные доходы от своей типографии. Но вообще его материальное положение улучшилось, и ему уже не приходилось испытывать той подавляющей нищеты, которая вскоре после его приезда в Париж доводила его до мысли о самоубийстве.

1842 год прошел для него довольно мирно. После оправдания на суде он менее, чем когда-либо, был склонен к враждебному отношению к правительству. В это время ему было 33 года; он выражал в письмах желание успокоиться и отдохнуть от полемики. Он ищет места при безансонской мэрии; ему хочется вернуться в родной город и всецело отдаться научным занятиям. Ему рисуются мирные картины будущего, спокойное, чуждое всяких увлечений и порывов изучение законов развития человеческих обществ, исследования тех основных принципов, на которых зиждется наша жизнь. Пора ему проститься со своим существованием богемы и занять некоторое положение в свете. Он знает, что в префектуре у него много недоброжелателей. Но правительство должно наконец понять, что в нем лучше иметь своего друга, чем врага. Быть может, ему суждено одновременно быть самым крайним реформатором эпохи — и пользоваться расположением и поддержкой власти.

Как и следовало ожидать, правительство не относилось к Прудону настолько же благосклонно, насколько был благосклонен к правительству последний. Ему отказали в месте, как человеку опасному и не внушающему префектуре доверия. Судьба не позволила Прудону осуществить его скромные идеалы и толкала его на борьбу и лишения.

Под первым впечатлением своей неудачи он пишет Бергману письмо, полное негодования, которое заканчивает следующими словами: «Отвергнутый префектурой и мэром, подозрительный суду, ненавистный духовенству, страшный для буржуазии, без профессии, без состояния и без кредита — вот чего я достиг в 34 года».

Около этого времени он закончил ликвидацию своей типографии, при этом на нем остался долг в 2000 р. Хозяйственные хлопоты не мешали ему работать, и он закончил давно начатое сочинение «Создание порядка в человеческом обществе»; эта книга должна была дать, по мысли автора, философские обоснования всем тем положениям, которые им развивались в мемуарах о собственности. Посвящая ее Бергману, Прудон высказывает сожаление, что его развитие шло неправильно и что он получил исключительно теологически-философское образование. Признание для автора довольно характерное.

В 1843 году в Страсбурге состоялся научный конгресс. Прудон не мог лично принимать в нем участие, но тем не менее живо интересовался его работами. Несмотря на то, что он уже давно перестал заниматься филологией, он не потерял к ней интереса и просил Бергмана сообщить ему подробно, к каким результатам пришел конгресс относительно вопроса, почему в греческом языке имена существительные множественного числа среднего рода согласуются с глаголом в единственном числе. Довольно любопытно, что из всех поставленных конгрессом вопросов Прудона более всего интересовал вопрос специально филологический.

Потеряв типографию, Прудон лишился постоянного, хотя и довольно сурового, источника доходов. Но ему очень кстати подвернулось другое занятие. Его старый друг А. Готье предложил ему заведовать делами своей фирмы, которая занималась транспортировкой леса и каменного угля. Готье был с детства знаком с Прудоном и учился с ним в одном колледже; судьба их разъединила. Но когда его старый друг достиг известности, Готье завязал с ним приятельскую переписку и предложил ему место у себя.

Новое занятие Прудона было очень хлопотливым и оставляло ему мало свободного времени. Целыми днями ему приходилось иметь дело с кочегарами, матросами, комиссионерами и т. п. Он был главным приказчиком и советником своих хозяев. Вначале Прудон был доволен возможностью «увеличить запас своих наблюдений и закончить на опыте курс политической экономии, начатый с Сэя и Смита». С чувством большого удовольствия он описывает свое времяпровождение Аккерману и прибавляет: «Будучи как рабочий раздавлен конкуренцией, я теперь, в свою очередь, содействую тому, чтобы давить других; я имею возможность применить на практике все мои организационные планы и пользуюсь ими, чтобы делать опыты над злонамеренными конкурентами *in anima vili*. Между делом я пишу брошюры по административным вопросам, петиции к министру, запросы префекту, снабжаю разными бумагами министерскую канцелярию, — словом, если бы правительство знало, какого энергичного помощника оно имеет во мне, оно дало бы мне пенсию вместо того, чтобы учреждать за мною полицейский надзор».

В качестве защитника интересов своих хозяев ему часто приходилось выступать в суде, и при этом он проявлял такую ловкость и умение, что некоторые друзья Прудона серьезно советовали ему заняться юриспруденцией. Действительно, по складу своего ума, несколько формального и сухого, он мог бы быть хорошим юристом.

В течение четырех лет, с 1843 по 1847 год, Прудон продолжал заведовать делами фирмы Готье. Под конец его стали утомлять хлопоты по снаряжению судов; кроме того, он не был доволен теми хозяйственными приемами, к которым прибегал его патрон, и они разошлись, несмотря на то, что Готье очень дорожил услугами своего старого друга. Прудон был очень рад освободиться от зависимости и давал в письме к Бергману обещание никогда не служить у знакомых, а тем более у друзей; он хочет, хотя бы на время, быть своим собственным хозяином.

В течение этих четырех лет ему приходилось довольно часто бывать в Париже и иногда жить там по несколько месяцев. Он познакомился со многими видными представителями экономической науки во Франции; ближе других сошелся с Ж. Гарнье. Вообще, круг его знакомых значительно расширился. К этому времени Прудон уже сделался известным человеком, с мнением которого всем приходилось считаться; о нем знали и говорили не только во Франции, но и за границей.

В сороковых годах во Франции шла оживленная умственная работа, которая несколько напоминала литературное движение прошлого столетия накануне Великой революции. В Париж из всей Европы стекался цвет радикальной и демократической интеллигенции. На поверхности все было мирно и спокойно, и правительство Луи Филиппа казалось прочнее, чем когда-либо; но в обществе и народе все пребывало в движении, все волновалось и

кипело. Создавались всевозможные планы преобразования социального строя, по большей части совершенно утопичные, но проникнутые горячей любовью к человечеству и самым искренним стремлением к добру и свету. Это было время, когда пожилые люди, старики с горячностью юношей рассуждали о судьбах народов и верили в близкое обновление всего человечества. Казалось, могучий порыв идеализма охватил всю старую Европу и близится громадный социальный переворот. Центром этого движения был Париж. Прудон в скором времени ознакомился с кружком добровольных и недобровольных изгнанников, собравшихся в Париже, и с некоторыми из них подружился и сошелся довольно близко.

В числе этих изгнанников находился в Париже и Карл Маркс, впоследствии приобретший громадную известность, а в то время молодой писатель. Вдвоем с Прудоном они проводили долгие ночи в спорах, и, без всякого сомнения, эти споры немало содействовали выработке их собственных взглядов и убеждений, хотя нельзя сказать, чтобы один из них подчинился влиянию другого. Маркс был моложе Прудона, но он обладал громадным преимуществом основательного и систематического научного образования, отсутствие которого было несчастьем последнего. Оба эти человека имели слишком мало общего в своих взглядах, слишком расходились по своей натуре, и между ними не могли установиться дружеские отношения. Впоследствии, после резкой критики К. Марксом «Экономических противоречий» Прудона, всякие сношения между ними были порваны.

В числе новых друзей Прудона мы встречаем молодого немецкого писателя К. Грюна, который оставил очень интересное описание своего знакомства с автором знаменитого трактата о собственности.

«Я его представлял себе, — пишет К. Грюн, — человеком лет сорока, с черными глазами, с недоверчивым видом, с лицом, омраченным заботами и страданием, с тем неизъяснимым выражением добродушия, которое можно было прочесть на лице Ж. Ж. Руссо и Л. Берне. Как я мог представить себе другим этого одинокого, смелого и беспощадного мыслителя и рабочего, этого пролетария, который создает в интересах пролетариата целую науку?

Когда я вошел в комнату Прудона, я увидел довольно крупного мужчину, нервного, не старше тридцати лет, одетого в шерстяную куртку, с деревянными башмаками на ногах. Студенческая комната с одной кроватью; немного книг на полках, на столе номера „National“ и экономических журналов. Не прошло пяти минут, как у нас завязался самый душевный разговор, и я убедился, насколько я был далек от истины, когда предполагал встретить в Прудоне недоверчивое отношение к людям. Открытое лицо, прекрасный лоб, карие глаза, нижняя часть лица несколько массивная и выражающая твердую натуру горных обитателей Юры; дикция энергическая, с несколько деревенским акцентом; язык сжатый и точный, с почти математической правильностью выражений; характер спокойный и уверенный, не лишенный веселости; одним словом, человек, который всегда и везде может за себя постоять».

Грюн и К. Маркс познакомили Прудона с философией Гегеля. Не зная немецкого языка, Прудон не мог прочесть произведений знаменитого философа, учение которого облетело в то время всю Европу; тем не менее, из устных разговоров с друзьями он настолько заинтересовался этой философией, что сделал попытку в своем самом капитальном

сочинении применить диалектический метод Гегеля к построению системы экономических противоречий.

В одном пункте К. Грюн не мог согласиться со своим новым другом, который привел его в восхищение своим решительным характером и независимостью мыслей. Защитник равенства всех людей оказался решительным противником равноправности женщин. К. Грюн теряется в догадках, каким образом такой последовательный человек может быть настолько непоследователен в этом отношении. Впрочем, это обстоятельство не уменьшило уважения к Прудону, которое Грюн почувствовал с первой минуты своего знакомства с ним; он деятельно пропагандировал в Германии сочинения последнего и перевел некоторые из них на немецкий язык.

В то же время Прудон познакомился с Даримоном, который может быть назван его единственным учеником, достигшим некоторой известности; впоследствии они совместно редактировали «*La voix du Peuple*». Даримон был провинциалом и в 1847 году приехал в Париж для изучения социальных и экономических вопросов; ему случилось обедать с Прудоном в одном ресторане, и он воспользовался случаем, чтобы познакомиться с автором, сочинения которого составляли для него символ веры. Их отношения никогда не были особенно близки, но учитель ценил в своем ученике и сотруднике по газете умение ясно и хорошо передавать его мысли, смягчая все то резкое и имеющее слишком мягкий характер, что составляло и силу и слабость его собственной писательской манеры.

В 1846 году Прудон потерял отца; его мать удалилась в свою родную деревню и умерла там через год. Как и раньше, она получала содержание от сына, который оказывал по отношению к ней постоянную заботливость, исполненную нежности и любви. Ее смерть глубоко его поразила, и он пишет своему другу: «Вот я совсем один, порядком-таки разочарованный, без привязанности, без пристанища. Но сколько бы я себе не повторял, что с тех пор, как я покинул Лион, я не имею больше ни семьи, ни дома, ни положения, я все-таки не могу поверить такому полному одиночеству, не могу примириться с мыслью, что никому нет до меня дела, что у меня нет больше моей старухи-матери».

В это время он написал самое крупное свое произведение «Экономические противоречия, или Философия нищеты». Все его предшествовавшие труды казались ему подготовительными к этому сочинению, значение которого он, по обыкновению, преувеличивал в громадных размерах, — но, наученный горьким опытом, не рассчитывал на немедленный и быстрый успех. Интересно то, что, как можно заключить из его переписки, он и сам не знал тогда, в чем должно состоять примирение противоречий, которые он находит во всех основных экономических категориях. До февральской революции он был только критиком и потому, несмотря на свои выдающиеся научные и литературные дарования, был вне парижской интеллектуальной жизни и пользовался сравнительно незначительным влиянием.

ГЛАВА III. Литературная деятельность Прудона до февральской революции. — «Что такое собственность?» — «Экономические противоречия, или Философия нищеты»

Мы описали жизнь Прудона в первый период его литературной деятельности, когда он еще не выступал социальным реформатором и стоял в стороне от политики; к этому периоду относятся его наиболее интересные в научном отношении произведения — «Мемуары о собственности» и «Экономические противоречия». Все основные воззрения этого парадоксального и не всегда последовательного писателя сложились окончательно ко времени февральской революции; но до 1848 года он ограничивался критикой современного экономического порядка и не пытался приступить к более трудному делу — к положительному решению социального вопроса.

Мы уже говорили несколько раз, что Прудон не получил правильного научного образования. Для неспециалиста он был довольно хорошо знаком с теологией и философией, но его экономическая эрудиция была не особенно обширна и ограничивалась почти исключительно сочинениями французских экономистов. Ему не хватало знакомства, хотя бы элементарного, с точными науками. Хотя он иногда и говорит в своих сочинениях о методе Кювье, о Лапласе и других естествоиспытателях, но по всему видно, что сведения о них дошли до него совершенно случайно.

Постоянная работа о насущном хлебе мешала ему пополнять хорошо сознаваемые им самим недостатки образования. Ему приходилось работать наскоро, знакомиться с литературой предмета по мере того, как он писал и издавал свои сочинения в не совсем обработанном виде. Ничего нет удивительного, что, работая при таких условиях, он часто противоречил сам себе и много раз изменял свои печатаю высказанные мнения. Так, например, в своей книге «О создании порядка в человеческом обществе» он доказывает, что металлические деньги есть необходимая основа всякого сложного хозяйственного строя, в котором существует разделение труда. Между тем впоследствии главной задачей проектированных им экономических реформ было уничтожение металлических денег как орудий товарного обращения. При изложении политических и экономических воззрений Прудона мы будем часто встречаться с противоречиями и непоследовательностью. Этот недостаток его сочинений зависел до известной степени от самой прихотливой и оригинальной натуры Прудона.

Его философские воззрения тоже подвергались различным изменениям в связи с условиями его личной и общественной жизни. Одно время он сильно увлекался Гегелевой философией, с которой познакомился из разговоров с друзьями. Интересно, что, хотя сам Гегель был консерватором и противником насильственных переворотов, многие радикальные реформаторы 40-х годов были гегельянами и основывали на его учении свою резкую и сильную критику современного строя. В 1846 году, ко времени своего знакомства с Марксом, Прудон не выработал еще никакого плана общественной реформы, и гегелевский диалектический метод пришелся ему как нельзя более кстати. Впоследствии, когда он стал более примирительно относиться к существующему строю, он без всякого колебания отказался от своих прежних философских взглядов и сам стал подтрунивать над гегелевской диалектикой.

Из этого, однако, не следует, что его основные убеждения были шатки и непостоянны; его мирозерцание покоилось не на доводах рассудка, а на чувстве, на всем опыте его жизни, на тех наполовину бессознательных впечатлениях, которые он получал в детстве, в родной семье, на полях своего отца, на скамьях коллежа. Суровая борьба с нищетой, которую ему приходилось вести, закалила его характер и завершила его умственное развитие. Он мог противоречить себе в частностях и в вопросах, не имевших для него важного значения, но всегда стремился к одной и той же цели и всегда оставался горячим защитником интересов трудовой массы, из которой сам вышел.

Как все даровитые самоучки, Прудон был полон уверенности в своих силах. Ему казалось, что он открыл для общественных наук новый метод исследования, при помощи которого можно с математической точностью вывести законы социального строя, подобно тому, как Ньютон установил законы всемирного тяготения. Уже из этого одного видно, как мало понимал Прудон особенности социальных явлений со всей их бесконечной сложностью и изменчивостью, которыми они так резко отличаются от явлений физического мира. Сочинения Прудона не представляют собою систематических исследований современного общественного строя; в них рассеяно много верных и остроумных мыслей, довольно часто встречается удачная критика существующего, но все вместе является несколько бессвязным целым, в котором мало последовательности и логического порядка. Его аргументация отличается одним основным недостатком: он не знает, что требует доказательства, часто

принимает как само собой очевидное то, что еще должно быть доказано. Изложение Прудона неясно и темно. Читатель легко замечает, что сам автор еще не вполне овладел своей мыслью, что он ее скорее чувствует, чем понимает. Кто ищет в книге прежде всего знания, того сочинения Прудона не удовлетворят; такому читателю придется потратить немало труда, чтобы разобратся в причудливом фейерверке слов, остроумных замечаний и парадоксов, которые характеризуют писательскую манеру Прудона. Зато в литературном отношении многие его произведения не уступают лучшим образцам французской прозы; они написаны сильным, энергичным языком, возвышающимся иногда до самого могучего лиризма. Читатель невольно поддается очарованию, соглашается с автором, не столько убежденный его доводами, сколько увлеченный искренностью его негодования против всякого рода зла и несправедливости в человеческих отношениях.

Основанием всей научной и публицистической деятельности Прудона являются две этические идеи — идеи равенства и свободы. Нам нечего говорить о том, каким образом они получили для него такое громадное, преобладающее значение. Вся французская история XIX столетия объясняется борьбой народа во имя свободы и равенства со старым общественным строем, с остатками феодализма и абсолютной монархии. Для прогрессивных элементов французского общества новые идеалы сделались предметом почти религиозного культа. Прудон так же естественно усвоил свое мирозерцание, как ребенок усваивает свой родной язык, без мучительной работы мысли, без колебаний и сомнений. Он никогда не спрашивал себя, действительно ли свобода и равенство — высшие блага в жизни, к которым человечество должно стремиться; его задача заключалась только в том, чтобы найти лучший способ для осуществления этих идеалов, и с этой целью он подвергает критическому анализу основания экономической организации современного общества.

Во главе социальных институтов, образующих тот общественный строй, которым европейские нации так гордятся, стоит институт частной собственности. Все хорошее и дурное в наших учреждениях имеет самое тесное отношение к организации права собственности; поэтому критика социального строя должна быть прежде всего направлена на исследование этого института, существующего с незапамятных времен у всех культурных народов.

Приведем вкратце содержание первого мемуара Прудона о собственности. Он разбирает обычные обоснования этого права. Со времен Цицерона многие юристы следующим образом доказывают необходимость частной собственности. Для того, чтобы земледelec мог работать и добывать себе пищу, он должен занять известный участок земли. Первоначально земля, как и все прочие предметы, не принадлежала никому, и поэтому всякий мог захватывать себе столько земли, сколько ему было нужно для обработки. Но когда вся земля была поделена, положение вещей резко изменилось. Завладевать было нечем, потому что никто не имеет права пользоваться той вещью, которая уже принадлежит другому. Таким путем образовались имущие и неимущие классы, собственники и пролетарии.

Но владение, говорит Прудон, может давать человеку право лишь на то, что ему действительно необходимо для существования и с чем он лично может справиться. Поэтому нельзя оправдать захват одним лицом громадных земельных пространств.

Экономисты со времен Локка приводят обыкновенно другого рода доводы в защиту частной собственности. Они говорят, что собственность основывается на праве работника бесконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Человек обрабатывает землю, прилагает к ней свой труд и тем самым приобретает на нее право собственности. Но разве продуктом его труда является земля, а не хлеб, сено и другие земные плоды? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на орудия производства? Почему труд, который раньше мог создавать собственность, теперь лишен этой волшебной силы? Почему фермер в настоящее время не приобретает собственности на землю, которую он десятки лет обрабатывает и улучшает?

Что же такое, в конце концов, частная собственность? Это — право получать доходы, не принося пользы обществу. Доходы эти имеют следующее происхождение: рабочий создает больше новых ценностей, чем получает их в виде заработной платы; излишек поступает в пользу капиталиста и составляет его ренту. Отсюда известный тезис Прудона: "La propriété c'est le vol [«Собственность — это воровство» (фр.)].

Но если собственность разрушает равенство, ведет к порабощению слабого сильным, к эксплуатации труда, то коммунизм привел бы к другому неравенству, еще более губительному. В таком обществе, о каком мечтают социалисты, слабые угнетали бы сильных, ленивые и неспособные жили бы за счет трудящихся и способных. Коммунизм есть система самого худшего рабства, так как общность владения требует организации труда, лишает членов общества свободы действия и превращает их всех в чиновников.

Итак, к чему следует стремиться, к какому общественному строю? Нужно стремиться к свободе и равенству...

Таково содержание первого мемуара Прудона о собственности. Эта небольшая книжка в 200 страниц, написанная за несколько месяцев молодым, подавленным нуждой человеком, сделала известным всему миру парадоксальное положение: «собственность есть кража». Все, что Прудон написал впоследствии, не получило такого широкого распространения, как эти несколько слов. Какое значение придавал им сам автор, можно видеть из того, что, по его мнению, эта короткая фраза была самым крупным событием в правление Луи Филиппа.

Собственность есть кража — это было впервые высказано задолго до Прудона известным жирондистом Бриссо. Резкая форма, смелое отождествление двух таких понятий, которые в обыденной жизни всеми признаются противоположными и взаимоисключающими, — заслуга всего этого принадлежит не Прудону, а его предшественнику. Между тем вся оригинальность открытия Прудона заключается исключительно в форме; по содержанию оно давно уже было сделано английскими социалистами — Томсоном, Греем и другими. Если перевести на обыкновенный язык парадоксы Прудона, то мы получим следующее положение: собственность дает человеку возможность присваивать себе продукты чужого труда. Та же мысль была впоследствии развита Родбертусом и Марксом и сделалась краеугольным камнем всей системы научного социализма нашего времени. Но Прудон удовольствовался красивой фразой и не думал делать из нее никаких дальнейших выводов. В этом сказалась его отличительная черта писателя и ученого: он любил красивые обороты мысли не столько ради их содержания, сколько ради их внешней красоты, и наслаждался

последней, как истинный художник.

Когда читаешь лирические излияния Прудона, его обращения к Божеству и небесам, его проклятия человечеству, невольно напрашивается сравнение знаменитого публициста с его земляком, великим поэтом и мастером слова — Виктором Гюго. Оба эти писателя питают пристрастие к парадоксам, к блестящим и неожиданным сравнениям, к антитезам, усиливающим в громадной степени эффект речи. Оба они являются типичными представителями французской мысли. Но Виктор Гюго был художником, и потому погоня за внешними эффектами мало ему вредила и придавала только излишнюю цветистость его стилю; Прудон же был ученым и хотел быть исследователем в самой трудной области человеческого знания, в области социальных отношений. Любовь к парадоксам часто направляла его по ложному пути и мешала ему всесторонне исследовать явления с беспристрастием истинного жреца науки.

Если сравнивать Прудона с Виктором Гюго, то нужно отметить одну характерную черту, делающую их различными по натуре. Прудон был совершенно лишен фантазии, той волшебной творческой силы, которая может уносить человека далеко за пределы действительности и открывать перед ним новые неожиданные горизонты. По описаниям, французский крестьянин средней полосы представляется нам человеком, что называется, «себе на уме», трезвым и положительным, совсем не склонным к мечтательности и идеализму. Из такой среды вышел Прудон и, несмотря на изменившиеся условия его жизни, всегда оставался типичным крестьянином, как в своих частных отношениях, у семейного очага, так и в своей общественной деятельности. Он не был способен к самостоятельному творчеству в социальной области, и этим до известной степени объясняется его антипатия ко всякого рода социалистическим утопиям. Как публицист, Прудон умел объемно и ярко представить все то смешное и неосуществимое, что характеризовало мечтанья Фурье, Кабе и других реформаторов того времени. Он считал насилием над человеческой природой стремление этих реформаторов навязать человечеству новый социальный порядок, в котором все отдельные факторы искусственно соединены в одну громадную машину. Но ему самому не хватало поэтической способности и воображения Фурье, увлекавшего своими фантастическими картинами таких людей, как Консидеран, Лоренц Штейн, Джон Стюарт Милль и другие.

Мемуары Прудона о собственности представляют из себя блестящие публицистические опыты, способные разбудить дремлющую мысль и подтолкнуть ее к самостоятельной работе, но они не имеют большого научного значения. Вместо того, чтобы тщательно изучить развитие частной собственности во времени и пространстве, исследовать все разнообразные формы, которые этот социальный институт принимал у различных народов, и выяснить, наконец, характер собственности по действующему законодательству, он довольствуется опровержением доводов, приводимых в курсах гражданского права и политической экономии в защиту частной собственности. Доказавши неосновательность этой защиты, он готов торжествовать победу над собственностью и считает свою задачу законченной, между тем как в действительности он к ней и не приступал. Подобные работы относятся скорее к области права в его догматической части, чем к политической экономии, изучающей законы народного хозяйства, как они проявляются в действительности.

Мы говорили, что стремление к свободе и равенству лежало в основании всей деятельности Прудона. Но всегда ли эти идеалы находятся во взаимной гармонии; всегда ли они согласуются друг с другом? Не существует ли между ними коренного, непримиримого антагонизма, который заставляет нас жертвовать одним идеалом ради торжества другого? Во имя равенства он громил собственность и желал ее уничтожить — если бы знал, чем ее заменить; во имя свободы он вел горячую борьбу с социалистами и готов был предпочесть современный строй со всеми его несправедливостями перспективе коммунистического государства, где все граждане — рабы одного великого целого. Ни действительность, ни социальные утопии его не удовлетворяли. Уже в первом своем экономическом сочинении он бросил перчатку обеим партиям и не покидал занятого им положения до конца своей жизни. Вся его последующая литературная деятельность представляет из себя безуспешную попытку примирить идеалы свободы и равенства; но врожденный недостаток фантазии помешал ему создать свою собственную систему и положить основание новому направлению в экономической науке.

В своем философском сочинении «О создании порядка в человеческом обществе» Прудон стремится доказать необходимость равенства как основного принципа человеческого общежития. Все явления природы находятся во взаимодействии друг с другом и могут быть рассматриваемы как члены одного ряда. Задача науки, по мнению Прудона, заключается в том, чтобы устанавливать серии, группы, к которым относятся исследуемые явления. Каждый отдельный член серии так же необходим в своем роде, как и всякий другой. Для образования белого цвета необходимо смешение всех цветов спектра. В животном организме каждый отдельный орган составляет необходимую часть целого и нельзя сказать, чтобы животное более нуждалось в одном органе, чем в другом, например в пищеварительной системе более, чем в нервной или мускульной. Точно так же в человеческом обществе все отдельные профессии равно необходимы для общего преуспевания; люди различных специальностей различаются не по размерам своих природных способностей, а только по направлению последних, по их внешней форме. В каждой, самой скромной социальной функции отражается великое целое, и потому равенство всех членов общества составляет естественный постулат всякого правильно организованного общежития.

Задача политической экономии заключается в построении серии экономических категорий. Прудон сделал попытку построить эту серию в «Экономических противоречиях». К этому времени автор их познакомился с философией Гегеля, до многих положений которого он самостоятельно додумался раньше. Под влиянием системы Гегеля Прудон пришел к убеждению, что члены серии с роковой необходимостью вытекают одни из других, что каждый из них заключает в себе внутреннее противоречие, которое примиряется следующим членом серии. Истинная социальная наука состоит не в исследовании того, что есть и что будет, а в изучении самого процесса развития. Экономисты довольствуются настоящим, социалисты мечтают о будущем, но и те и другие не в состоянии увидеть то звено, которое органически связывает будущее с настоящим. Чтобы понять настоящее, нужно исследовать естественные противоречия, лежащие в основе всех экономических категорий.

Понятие ценности есть краеугольный камень всего здания экономической науки. Со времени Адама Смита экономисты различали два рода ценности — ценность потребительную и меновую. В каком отношении друг к другу находятся эти две различные формы ценности? Увеличение предложения товаров увеличивает общую сумму их полезности, но понижает их рыночную цену; уменьшение предложения повышает цену, хотя сумма их полезности становится меньше. Следовательно, между меновой и потребительной ценностью существует внутреннее противоречие. Чем меньше имеется в природе нужных для нас предметов, тем они дороже. Поэтому скудный урожай часто более выгоден для земледельца, чем урожай хороший; богатство производителя оказывается равносильным бедности потребителей. А так как ценность есть основание всей экономической системы, то можно сказать, что весь современный хозяйственный строй страдает коренным, неизбежным противоречием.

Каким же образом примиряется в действительной жизни противоречие между потребительной и меновой ценностью? Это примирение совершается посредством соответствия цены товаров с трудом, затраченным на их производство. Но при современных хозяйственных условиях цены подпадают влиянию спроса и предложения и могут значительно уклоняться от такого соответствия. От колебания цен страдают производители; одни из них разоряются, другие обогащаются за счет остальных. Только тогда производители будут вознаграждаться по заслугам, когда цена товаров будет строго соответствовать их трудовой стоимости. Но синтез экономических противоречий дается нелегко, и общество должно много вынести и перестрадать для того, чтобы достигнуть экономической справедливости.

Экономическая эволюция начинается с разделения труда. Разделение труда дает человечеству возможность осуществить идею равенства, так как только при дифференцировании профессий каждый может беспрепятственно отдаться своим симпатиям и заниматься тем, к чему он наиболее способен. Специализация труда увеличивает в громадной степени его производительность и открывает человечеству широкую дорогу к накоплению богатства и знания. Но, с другой стороны, разделение труда поработает рабочего, делает его слепым орудием в руках капиталиста, увеличивает нищету и невежество низших классов народа и представляет все блага цивилизации небольшой кучке избранных. Новое противоречие, которое разрешается вторым членом экономической серии — машинами.

Бессознательное развитие общества во всех отношениях подобно сознательной деятельности нашего ума. Подобно тому, как мы выставляем одну за другой различные гипотезы для того, чтобы решить трудную задачу, точно так же мировая мысль последовательно воспроизводит различные социальные институты, которые более или менее полно разрешают противоречия общественного строя.

Изобретением машин промышленный гений человека протестует против раздробления и специализации труда. Действительно, что такое машина? Это соединение в одном целом тех инструментов, которыми раньше работало несколько рабочих. В этом смысле введение машин по своим результатам прямо противоположно действиям разделения труда. Машина должна уменьшить человеческий труд, понизить цены на продукты и делать их более

доступными низшим классам населения, давать толчок к новым техническим изобретениям и доставлять человеку торжество над грубыми силами природы. Поэтому машина есть символ свободы и человеческого гения.

Но тем самым, что машина сокращает труд, она уменьшает спрос на рабочие руки и выбрасывает рабочих без куска хлеба из фабрики на мостовую. Введение машинного производства понижает заработную плату, вызывает промышленные кризисы, избавляет капиталиста от всякой зависимости от рабочего и делает последнего одушевленным придатком машины. Положение рабочего становится еще тяжелее, чем оно было в предшествующую эпоху, при господстве разделения труда.

Свободная конкуренция представляет собою третью стадию промышленного развития. Сотрудничество производителей выгодно для всего населения, которое, благодаря ему, получает все нужные товары дешевле и лучшего качества. Свобода так же необходима для деятельности человека, как воздух для его дыхания; только свободный человек может достигнуть великих результатов и в материальной, и в духовной области. Но, несмотря на все благоприятные последствия промышленной свободы, она так же мало, как и все раньше перечисленные социальные факторы, может удовлетворить справедливые требования рабочего класса и приводит к монополии, к порабощению слабого сильным. Монополия есть естественный и необходимый результат свободы, награда за победу в промышленной борьбе, лучший стимул человеческой энергии, и тем не менее монополия разрушает равенство, а потому враждебна всякому прогрессу; она развивает самые дурные инстинкты в человеке и ведет к нищете и рабству.

Подобным образом Прудон разбирает последовательно все экономические категории, налоги, торговый баланс, кредит и, наконец, собственность и коммунизм. Во всем он находит противоречия, все кажется ему неудовлетворительным и заслуживающим в одинаковой мере порицания и похвалы. Последнюю главу он посвящает критике и опровержению учения Мальтуса о неизбежности нищеты как естественного последствия тенденции человечества размножаться скорее, чем растут его средства пропитания. Мальтус утверждает, что наша пища, одежда и прочие необходимые для нас предметы могут увеличиваться только в арифметической прогрессии, между тем как при отсутствии препятствий размножение человечества идет в прогрессии геометрической. Прудон обращается с цифрами так же произвольно, как и Мальтус, и полагает, что результаты человеческого труда равны квадрату числа работников. Так, например, четыре работника в 16 раз больше произведут, чем один, потому что соединение рабочих позволяет применить к производству всевозможные усовершенствования, ввести разделение труда, машины и так далее. Следовательно, производительные силы человечества растут не медленнее, а быстрее его самого.

Но каким же образом примирить указанные экономические противоречия, воспользоваться всем, что есть хорошего в современных учреждениях и избежать тех несчастий, которые они влекут за собой? На этот вопрос Прудон не дает ответа в своей книге, несмотря на то, что эпиграфом к ней он выставил гордое изречение «*Destruom ed aedificato*» («Разрушу и воздвигну»), и читатель остается в полном недоумении, в чем же Прудон видит решение социального вопроса.

«Экономические противоречия» — самое ценное в научном отношении сочинение Прудона. Несмотря на то, что он совершенно произвольно распределяет свои экономические эпохи, которые не соответствуют исторической последовательности, не подчинены какому-либо логическому порядку и с таким же успехом могли бы быть размещены от конца к началу, его книга содержит в себе такую удачную критику капиталистического строя, что большинство последующих писателей, относившихся враждебно к капитализму, пользовались его аргументами и развивали его мысли. Влияние «Экономических противоречий» Прудона заметно в сочинениях Родбертуса и Маркса, несмотря на то, что последний, вскоре после выхода в свет этой книги, написал на нее очень резкую и не совсем справедливую критику в отдельной брошюре, озаглавленной «Нищета философии» — парафраз заглавия Прудона «Философия нищеты». Он упрекал автора «Философии нищеты» в том, что тот не понял и не сумел воспользоваться диалектическим методом Гегеля. Этот упрек в известной степени справедлив. Насколько мало Прудон понимал и ценил философию Гегеля, можно видеть уже из одного того, что впоследствии он так легко от нее отказался. Тем не менее отсутствие строго выдержанного метода в «Экономических противоречиях» не лишает достоинства отдельные меткие и оригинальные мысли, которые в изобилии рассеяны в этом сочинении.

ГЛАВА IV. Февральская революция и участие, которое принимал в ней Прудон. — Деятельность его в Национальном собрании. — Борьба с радикалами. — Присуждение Прудона к тюремному заключению за ОС

Июльская монархия была сделкой между принципами абсолютизма и народовластия. Луи Филипп в течение своего восемнадцатилетнего правления должен был одновременно опасаться двух крайних партий: партии сторонников законной монархии «милостью Божией» графа Шамбора и партии республиканцев, не удовлетворенных теми ограниченными правами, которые были предоставлены народу конституцией 1830 года. Эта конституция была основана на компромиссе и уже по одному этому носила в себе зародыши разрушения.

Не имея возможности опереться ни на аристократию, ни на народ, правительство Луи Филиппа попробовало основать свою власть на поддержке третьего сословия, буржуазии, которой был антипатичен абсолютизм Бурбонов, но которая в то же время опасалась возвращения режима 1793 года с его волнениями, террором и всеобщим экономическим замешательством. Луи Филипп гарантировал буржуазии мир и порядок, необходимые для экономического процветания страны, гарантировал собственность и в то же время предоставил стране известную долю политической свободы; существовало, хотя и ограниченное высоким имущественным цензом, избирательное право, и законодательная власть была разделена между королем и палатой народных представителей. Девизом всей внутренней политики Луи Филиппа была знаменитая фраза его первого министра: «Обогащайтесь!» И Франция обогащалась, хотя, вместе с тем, возрастала бедность низших классов и развивался пролетариат.

Революция 24 февраля 1848 года, за несколько дней уничтожившая июльскую монархию, была произведена парижскими рабочими. Движение началось требованием реформы и роспуска палаты представителей, не выражавшей истинного настроения страны и служившей опорой правительству. Во главе движения стояла буржуазная оппозиция, требовавшая реформ, но сохранившая преданность орлеанской династии и опасавшаяся революции.

Республиканцы, располагавшие значительными силами среди парижского рабочего населения, были не организованы и не ожидали такой быстрой развязки царствования Луи Филиппа. Переворот совершился внезапно. Очевидно, июльская монархия не имела корней в народе и достаточно было небольшого толчка, чтобы здание, казавшееся таким прочным, развалилось.

Мы говорили выше о том умственном движении, которое происходило во Франции в 40-х годах. Под влиянием обострившегося антагонизма буржуазии и рабочего класса выдвинулись на первый план новые общественные задачи. Рабочий вопрос, угрожающий опасностью всей тысячелетней европейской культуре, поглотил все другие вопросы. Появилось новое учение — социализм — которое со времени июльской революции и открытого торжества буржуазии стало приобретать все больше и больше значения.

Правительство Луи Филиппа относилось довольно терпимо к социализму в его различных оттенках, так как не видело прямой опасности для себя от пропаганды идей братства, любви и мирного прогресса, которые были девизом большинства социалистических изданий. Между тем, в действительности развитие социализма в значительной степени содействовало февральской революции и падению трона Луи Филиппа. Рабочая масса не отличалась таким терпением и осторожностью, как некоторые ее вожди, и не побоялась прибегнуть к силе, когда почувствовала возможность успеха.

Прудон занимал особенное положение в социалистической партии. По всем своим основным взглядам он коренным образом расходился с социалистами и скорее примыкал к их противникам, экономистам буржуазной школы. Вместе с тем, в своем последнем сочинении «Экономические противоречия» Прудон подверг социализм и коммунизм такой резкой критике, что не могло, казалось бы, возникнуть никакого Сомнения, к какой партии следует

его причислить. В письмах своих он называет мечтания Фурье, Кабе и других «проклятой ложью». Между тем, общественное мнение ставило Прудона в ряды социалистов. Мы говорили выше о причинах этого недоразумения. Сам он до февральской революции считал себя более близким к экономистам школы Смита и Сея, чем к какой-либо социалистической школе; между первыми у него были приятели, например, Бланки и Жозеф Гарнье, между тем как к последним он относился за малыми исключениями с большой неприятностью и даже враждой.

Политические убеждения Прудона сложились довольно рано. Будучи молодым человеком двадцати пяти лет, он относился к общественным вопросам так же, как относился к ним и после февральской революции. Он называет себя республиканцем, но противником республиканского деспотизма Робеспьера и его подражателей. Он надеется, что республика явится естественным следствием социальной эволюции Франции, но не считает возможным достигнуть чего-либо путем насилия и революции. Время революций прошло, по его мнению, навсегда.

В сущности, Прудон довольно безразлично относился к вопросу о форме правления, считая, что народное благополучие в гораздо большей степени зависит от экономической организации общества, чем от того, имеет ли оно одного или многих повелителей. Поэтому Прудон легко склонялся к мысли вступить в контакт с правительством и много раз добивался его поддержки, не видя в этом ничего противного своим принципам и убеждениям; ему всегда казалось, что враждебное отношение власти к его деятельности основано на одном недоразумении, так как он был врагом насильственных переворотов и, следовательно, сторонником господствующего режима. В этом отношении он походил на многих социалистов той эпохи, которые, например, Окэн, Фурье и другие, не теряли надежды приобщить правительство к своим планам и с его помощью приступить к коренной реформе экономического строя...

В одном из своих позднейших сочинений Прудон говорит о себе, что вряд ли кому другому удавалось так сильно взволновать совесть своих современников. Это до известной степени справедливо. Он именно волновал совесть, возбуждал сомнения и вопросы, но не давал на них ответа. До февральской революции у него не было знамени, вокруг которого он мог бы сгруппировать своих сторонников. Поэтому, несмотря на свою популярность среди низших классов народа, он не имел своей партии и не мог пользоваться тем общественным влиянием, какого достигали люди менее даровитые и энергичные.

В таком положении застала Прудона февральская революция. Он ее не предвидел и не желал. Он пишет своим друзьям, что нужно примириться с совершившимся фактом, но что Франция могла бы успешно развиваться и при прежнем правительстве и достигнуть таких же результатов с меньшими жертвами. Тем не менее и его увлекла революционная горячка, и он тоже принимал некоторое участие в борьбе народа...

Временное правительство, организованное восставшим и победоносным народом, состояло из трех партий: умеренных республиканцев, предлагавших отложить провозглашение новой формы правления до созыва Национального собрания, крайних республиканцев, стремившихся воскресить традиции якобинства и 1793 года, и небольшой группы

социалистов, представленной только двумя лицами — Луи Бланом и рабочим Альбером. При таком составе новое правительство не могло проявить энергии и последовательности в своих действиях. Большая часть его членов враждебно относилась к социализму; но так как новый порядок был создан парижскими рабочими, то и пришлось прибегнуть к каким-либо мерам, способным до известной степени отвечать интересам рабочего класса. Под влиянием Луи Блана правительство торжественно признало право на труд естественным правом каждого человека и учредило комиссию, помещавшуюся в Люксембургском дворце, для исследования рабочего вопроса. Комиссия эта, под личным председательством Луи Блана, образовала из себя нечто вроде рабочего парламента. Вместе с тем, декретом временного правительства были организованы национальные мастерские, которые дали занятие массе парижских рабочих, оставшихся без заработка вследствие наступившего общего экономического застоя.

Прудон не мог сочувственно относиться к временному правительству, составленному из тех самых людей, с которыми он воевал всю свою жизнь. По его мнению, кучка журналистов и писателей, сменившая министерство Луи Филиппа, в несколько недель наделала столько промахов и ошибок, что поправлять их придется годами. Он был противником революции, но уж если революция произошла, то нужно было суметь ею воспользоваться и сделать все возможное для блага народа; вместо этого временное правительство забавлялось красивыми фразами, не думая об их последствиях. По мнению Прудона, признание права на труд не могло гарантировать народу заработок, если не будет изменена вся экономическая организация общества; и занятия Люксембургской комиссии вели только к тому, что возбуждали в рабочих различные надежды, которые правительство не в силах будет осуществить. Сам Прудон еще не окончил к этому времени своей последней брошюры, в которой намеревался доказать возможность преобразования общественного строя, удовлетворяющего интересам всех классов общества. Он поспешно работал над своей книгой и через месяц после падения Луи Филиппа выпустил ее в свет под многообещающим заглавием: «Решение социального вопроса».

Прудон уже несколько лет мечтал принять более активное участие в общественной жизни страны и перенести пропаганду своих идей из ученых кругов в большую публику, в среду рабочих и мелкой буржуазии.

Еще при Луи Филиппе он задумал издавать свой журнал, но издание не могло состояться вследствие недоброжелательного отношения к нему власти. После февральской революции обстоятельства изменились. Прудон почувствовал свою силу и не мог и не хотел оставаться скромным зрителем совершающихся событий.

В своей новой брошюре он торжественно возвестил миру, что ему удалось найти решение задачи, которая волновала всю Францию и привела ее к революции. Он открыл средство обеспечить труд, гарантировать ему достаточное вознаграждение, не нарушая интересов собственников и имущего класса. Средство это заключается в организации дарового, беспроцентного кредита. Временное правительство не сумело понять значение переворота, совершившегося 24 февраля, и вместо примирения буржуазии и народа возбудило между ними вражду и ненависть. Для преобразования современного экономического строя достаточно устроить меновой банк, при помощи которого все производители Франции могли

бы без посредства денег обменивать свои продукты. Билеты этого банка заменят в обращении деньги и гибельная власть золота закончится навсегда.

Таково было придуманное Прудонем универсальное лекарство от всех социальных бедствий. Неудивительно, что временное правительство не обратило внимания на его проект и даже не подвергло его обсуждению в Люксембургской комиссии. Оно было занято другими, более важными делами, главным образом подготовкой выборов в Национальное собрание, которые состоялись 12 февраля. От этих выборов зависело все дальнейшее направление революции. Нужно было узнать, как относилась к совершившемуся перевороту вся страна, провинциальные города и крестьянство, которое везде, а во Франции более, чем где-либо, отличается по своему характеру от городского населения. Радикальная партия требовала отсрочки выборов — для того, чтобы получить время развить избирательную кампанию и приготовить к выборам деревню. Многие радикалы желали даже диктатуры.

Прудону всегда были антипатичны насилие и деспотизм, пусть даже во имя народного блага, и он начал энергичную борьбу с временным правительством, основав для этой цели газету «Le representant du peuple». В горячо написанных статьях он убеждал народ не верить республиканцам и социалистам, стремящимся к власти для того, чтобы пользоваться ею так же, как и все предшествующие правительства Франции. Прудон объявлял себя сторонником революции, но это не мешает ему считать врагами народного блага почти все революционные партии и бороться, по своему обыкновению, сразу со всеми, не давая пощады ни правым, ни левым. Вместе с тем, он продолжал на страницах «Le representant du peuple» отстаивать свои планы реорганизации кредита и противопоставлял их национальным мастерским и другим экономическим мероприятиям временного правительства. В это время популярность его была невелика, и он был забаллотирован громадным большинством голосов на общих выборах в Национальное собрание.

Первое заседание Национального собрания, принявшего в свои руки верховное управление страной, состоялось 4 мая 1848 года. Временное правительство должно было сложить свои полномочия и передать дело революции вновь выбранным представителям народа. Большинство депутатов не разделяло взглядов бывшего правительства и не сочувствовало тем идеям, во имя которых был произведен переворот 24 февраля. Национальное собрание было решительно враждебно социализму и только по необходимости и по неимению никакого другого выхода мирилось с республикой. До выработки конституции для ведения текущих дел была организована исполнительная комиссия, в состав которой вошли все члены временного правительства, кроме Луи Блана и Альбера.

Парижские рабочие, недовольные исходом выборов, 15 мая попытались силой захватить власть в свои руки, проникли в здание, где заседали народные представители, овладели трибуной и потребовали организации министерства труда. Манифестация эта имела своим единственным последствием то, что реакция сделалась еще сильнее и Национальное собрание сознало необходимость тем или иным способом разделаться с парижским пролетариатом, грозившим существующей власти постоянной опасностью. Чтобы покончить с социалистами, нужно было распустить национальные мастерские, которые напоминали народу о торжественных обязательствах, принятых на себя временным правительством, и могли во всякое время сделаться центром революционной армии. Исполнительная комиссия

не побоялась прибегнуть к этой решительной мере, чем и вызвала 23 июня кровавое восстание доведенных до отчаяния рабочих. Весь Париж покрылся баррикадами, защитники которых поклялись «жить честным трудом или умереть, сражаясь» и в течение нескольких дней с отчаянным мужеством сопротивлялись правительственным войскам. Одно время можно было опасаться победы инсургентов, но перевес материальной силы оказался на стороне правительства, и восстание было подавлено...

В начале июня состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание и Прудон был выбран 77.000 голосов депутатом города Парижа. В избирательном манифесте он подробно развивал свои излюбленные планы организации дарового кредита и требовал сокращения и децентрализации государственной власти. Манифест был написан довольно сухо и туманно, не указывал никакой определенной программы действий и не мог расположить избирателей в пользу кандидата. Успех последнего объясняется, по всей вероятности, тем, что парижане хотели протестовать своим выбором против реакционной политики нового правительства, открыто ставшего на сторону буржуазии и относившегося враждебно ко всяким экономическим реформам.

В Национальном собрании Прудон не пользовался почти никаким влиянием; он не примкнул ни к какой политической партии и принимал мало участия в парламентской борьбе. Во время июньского восстания он стоял на стороне правительства, хотя и не одобрял его решительных мер и крутой расправы с инсургентами. Между тем обстоятельства складывались так, что он мог рассчитывать на видную общественную роль. После июньского разгрома социалистическая партия потеряла почти всех своих вождей, которые частью бежали из Франции, частью были осуждены и лишены свободы. Социалистические идеи пользовались среди рабочих таким же сочувствием, как и раньше, но некому было поднять знамени социализма и приступить вновь к организации разбитой и рассеянной партии. Прудон остался верен себе и не поддавался искушению занять место Луи Блана, но силою вещей ему пришлось все более и более отождествлять свое дело с делом социализма. До февральской революции он не мог выставить никакого определенного плана общественной реформы; теперь у него было свое собственное решение социального вопроса — даровый кредит. Вражда к деньгам и проценту на капитал сближала его с крайними реформаторами эпохи, и мало-помалу он стал считать себя сторонником социализма.

11 июня Прудон внес в Национальное собрание предложение коренной реформы действующей системы налогов. Все платящие в какой бы то ни было форме капитальную ренту должники, арендаторы, наемщики и так далее должны ежегодно вносить государству шестую часть своего платежа, а одну шестую удерживать в свою собственную пользу. Все другие доходы должны быть обложены временным подоходным налогом. Вместе с тем, Прудон требовал организации кредита, согласно выработанному им плану.

Это предложение было передано для обсуждения финансовой комиссии и отвергнуто ею. 31 июня Прудон произнес в палате горячую речь в защиту предложенной им экономической реформы, громил имущие классы и буржуазию за равнодушие к народу, проклинал собственность и весь современный общественный строй, основанный на невежестве и рабстве. Национальное собрание было до крайней степени возмущено его речью; оратора беспрестанно прерывали, не давали ему говорить; раздавались возгласы: «Вы — второй

Марат», «Вы — сообщник инсургентов», «В Шарантон его!» и т. д. Большинство в 691 голос против двух был вотирован переход к очередным делам, заключавший в себе порицание оратора.

С этого времени Прудон сделался настоящей знаменитостью, а его имя стало предметом ужаса и отвращения для всех сторонников реакции. Он получал массу оскорбительных и угрожающих писем, его осмеивали в газетах и иллюстрированных изданиях, писали на него пасквилы и даже сочиняли для его вящего посрамления целые театральные пьесы. В одной клерикальной книжке серьезно высказывалось опасение, не одержим ли он бесом. Ни один смертный, по мнению составителя книжки, не погрешил столько против человечества, как Прудон. В Национальное собрание в изобилии поступали петиции об исключении из числа народных представителей такого недостойного члена.

Весь этот шум, без всякого сомнения, немало содействовал увеличению его значения как общественного деятеля. Хотя он не мог рассчитывать на какой-либо успех в палате, зато в народной массе имя его делалось все более и более популярным. Его новая газета «Le peuple», сменившая приостановленный правительством "Le représentant du peuple ", расходилась в 70.000 экземплярах; газета могла бы давать ему большие доходы, но он довольствовался скромной платой 50 р. в месяц за свои редакторские труды. Это было единственным временем в его жизни, когда он пользовался обеспеченным материальным положением и мог бы достигнуть богатства. В качестве депутата он получал 8 р. в день, но, как и другие народные представители крайней левой, тратил большую часть своего депутатского жалования на благотворительность и, несмотря на лживые рассказы политических врагов о его мотовстве и расточительности, жил все это время так же скромно, как и прежде.

Прудон выступал за объединение оппозиции под знаменем социальных реформ, но, по своему обыкновению, вносил так много страстности в полемику с отдельными личностями, что гораздо более вредил делу объединения, чем оказывал ему содействие. В начале октября в Национальном собрании у него произошло столкновение с одним молодым депутатом крайней левой, Феликсом Пиа, — столкновение, дошедшее до рукопашной. Через несколько дней после этого между ними состоялась дуэль, окончившаяся благополучно для обоих.

Этот эпизод не мог улучшить отношений между Прудоном и крайней левой. Когда парижские рабочие пожелали устроить банкет в честь оппозиции, крайняя левая наотрез отказалась участвовать в этом банкете, если на нем будет присутствовать Прудон. Тем не менее банкет состоялся, и Прудон произнес среди всеобщих аплодисментов длинную речь; он давал торжественное обещание всегда оставаться верным заветам революции 24 февраля, провозгласившей освобождение труда и требовавшей не только политического, но и экономического равенства всех граждан; он увещевал рабочих не терять уверенности в близком торжестве их дела, несмотря на все происки реакции и неспособность якобинцев понять значение революции.

Между тем гроза надвигалась совсем не с той стороны, откуда ее ждали защитники февральской революции. В числе народных представителей в Национальном собрании

заседал Луи Наполеон, племянник великого императора, в котором французский народ видел олицетворение воинской славы и несчастья родины. Луи Наполеон много раз публично заявлял о своей преданности республике и старался сблизиться с вождями республиканской партии. Он пожелал повидаться с Прудоном и при свидании завязал с ним оживленный разговор по текущим политическим вопросам, о запрещении нескольких республиканских газет и тому подобном. Будущий император французов говорил, как убежденный республиканец, и оба собеседника расстались вполне довольные друг другом.

4 ноября Национальное собрание приняло выработанный особой комиссией проект новой конституции. Во главе правления должен стоять президент республики, избираемый голосованием всего народа и облеченный верховной исполнительной властью. Прудон на парламентской трибуне и в печати энергично боролся против президентской власти и доказывал всю опасность этого нового учреждения для народной свободы. Он предвидел близкое наступление монархии и в день голосования совсем воздержался от вотума, объявив публично, что, по его мнению, французский народ не нуждается ни в каких конституциях, весь смысл и значение которых заключается в ограничении воли народа. Франция существовала без конституции со времени февральской революции и может так же существовать и в будущем. Нечего и говорить, что народные представители не были убеждены доводами Прудона.

Из всех кандидатов в президенты республики генерал Кавеньяк, усмиривший июньское восстание и пользовавшийся большой популярностью среди умеренных партий, имел, по общему мнению, более всего шансов быть избранным. Крайняя левая выставила своим кандидатом Ледрю-Роллена, более умеренные республиканцы — Ламартина. Но все они остались в незначительном меньшинстве, и народ большинством в пять с половиной миллионов голосов избрал президентом республики Наполеона Бонапарта.

Избирательная кампания окончательно поссорила радикалов с Прудоном. Он деятельно агитировал против Ледрю-Роллена и не противился кандидатуре Кавеньяка, открытого врага социализма. По всей вероятности, поведение Прудона в значительной степени обуславливалось его старинной враждой к радикальной партии, а, может быть, также и личным раздражением — вследствие того, что республиканцы не выставили его самого кандидатом в президенты республики; по крайней мере, сторонники Ледрю-Роллена давали такое объяснение его несколько двусмысленному образу действий.

Успех Наполеона зависел, между прочим, и от того, что многие социалисты голосовали за него с исключительной целью оставить в меньшинстве генерала Кавеньяка. Тем не менее первым правительственным актом нового президента республики было составление умеренного и буржуазного министерства с Одиллоном Барро во главе. В правление Луи Филиппа Барро принадлежал к либеральной оппозиции, и, когда наступила революция, король прибегнул к его помощи для примирения монархии с восставшим народом; как известно, в то время эта примирительная миссия не имела успеха и не помешала падению монархии. Теперь Барро опять получил преобладающее значение и сделался советником главы государства. Это было открытым вызовом, перчаткой, брошенной Наполеоном социализму и революции. Прудон поднял перчатку и начал в своей газете ожесточенную полемику с президентом, которого он обвинял в заговоре против республики.

После нескольких резких статей в «Le peuple» Прудон был предан суду по обвинению в оскорблении президента и в возбуждении ненависти между общественными классами. Ему приходилось во второй раз выступать на суде по подобному обвинению; как и в первый раз, он защищался искусно и энергично, но правительство Луи Бонапарта отличалось более суровыми нравами, чем министры Луи Филиппа, и обвиняемого приговорили к трехлетнему тюремному заключению и денежному штрафу в 3000 р.

ГЛАВА V. Народный банк Прудона. — Другие аналогичные попытки реформы денежного обращения во Франции и Англии

Несмотря на отчаянную политическую борьбу, которую Прудон вел в Национальном собрании и в печати, он не забывал своего излюбленного проекта устройства Народного банка, убедившись в том, что ему нечего рассчитывать на помощь и содействие правительства, он попытался осуществить свою мысль своими собственными силами и открыл в «Le peuple» подписку для этой цели. Вследствие обширной популярности Прудона среди рабочих, акции нового учреждения расходились довольно хорошо и многие рабочие и промышленные ассоциации формальным образом выражали готовность принимать в нем участие. Акции были пущены по 1 р. 50 к. для того, чтобы сделать их доступными по цене для самых бедных рабочих. Число акционеров достигало 12 тысяч. Не только в Париже, но и в провинции идея Народного банка находила много сторонников. В Лионе, Безансоне, Бельфоре и Дижоне были организованы для этой цели специальные комитеты. Подобные же комитеты должны были в скором времени быть образованы в Нанси, Марселе и Бордо.

Вообще, общественное мнение относилось к Народному банку очень сочувственно. Парижская пресса разделилась по отношению к Народному банку на две партии: в то время, как одни ожесточенно нападали на это учреждение, другие горячо его защищали; но обе стороны признавали устройство такого банка крупным событием общественной жизни Франции. Глава фурьеристов, Виктор Консидеран, был на стороне Прудона и объявил, что он будет принимать билеты Народного банка в уплату при подписке на его газету «Démocratie Pacifique». Для Прудона эти несколько месяцев, прошедшие от основания Народного банка до его окончательного крушения, были, по его собственному признанию, счастливейшим временем его жизни. Его слава и политическое значение достигли своего апогея. Он надеялся осуществить на опыте свои мечты о социальной реформе и доставить торжество

своим излюбленным принципам.

Приглашая читателей своей газеты к подписке для учреждения Народного банка, он делает следующее заявление: «Я начинаю такое предприятие, равного которому не было и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, перевернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который по воле Божества движется с запада на восток, начал двигаться по воле человека с востока на запад. Я хочу преобразовать отношения капитала к труду».

Подобные заявления могут показаться неискренними и рассчитанными на эффект, но в действительности Прудон вовсе не лгал и не хвастался, выражая надежду перевернуть сразу весь мир: всему этому он искренне верил и до конца жизни был наивно убежден, что только правительство Луи Наполеона помешало ему перейти от слов к делу и облагодетельствовать человечество.

Организация кредита и устройство Народного банка — в этом заключалось, по мысли Прудона, решение социального вопроса. Мы описали выше критический период деятельности Прудона; в 1848—1849 годах он выступил в качестве социального реформатора, и нам следует теперь разобрать план его социальной реформы.

Как мы уже упоминали, проект устройства Народного банка был развиваем Прудоном в отдельных брошюрах и на страницах его газеты. Его газетные статьи были изданы Даримоном отдельной книгой, под заглавием: «Итоги социального вопроса. Меновой банк». Эта книга содержит в себе подробное описание проектируемого кредитного учреждения.

Чтобы выяснить значение коренной реформы товарного обращения, Прудон поднимает старый вопрос, что такое в настоящее время собственность. В прежнее время собственность давала человеку возможность независимо от всего остального мира пользоваться плодами принадлежащего ему имущества и делала его действительным господином вещи. Так было во времена Римской империи и в средние века, когда в Европе господствовал феодализм и преобладающим был натуральный характер народного хозяйства. Каждый собственник был маленьким центром в своей области и не нуждался ни в продаже своих продуктов, ни в покупке продуктов чужого труда. Но после великих промышленных переворотов последнего времени народное хозяйство культурных европейских наций приняло меновой характер. Собственник сам по себе, без помощи своих сограждан, не может в настоящее время просуществовать несколько недель. Он должен покупать и продавать, если не желает погибнуть с голоду. Современное право собственности есть чисто номинальная привилегия, значение которой зависит от общего состояния народного хозяйства, от характера циркуляции товаров. В настоящее время собственник есть человек, обладающий процентными бумагами, акциями, деньгами, положенными в банк, товарами, которые лежат в его магазинах, домами и зданиями, которые он отдает внаем и в аренду. Если циркуляция товаров и денег совершается беспрепятственно, право собственности доставляет доходы; если же народное хозяйство расстраивается и денежное и товарное обращение на время приостанавливаются, тогда привилегия собственности теряет свое значение, и собственник становится не богаче пролетария. Итак, собственность, которую считают основанием всех современных учреждений, есть только привилегия в процессе обращения хозяйственных предметов, подобно пошлине, взимаемой за провоз по каналу.

Реформируя механизм товарного обращения, мы вместе с тем реформируем и право собственности со всеми его вредными последствиями для народного блага. Но какая сила реформирует в настоящее время обращение товаров и деспотически управляет их движением? Эта сила — деньги. Реформа современного экономического строя должна заключаться в уничтожении денег. С этой целью должен быть устроен меновой банк, имеющий следующую организацию. Производители всякого рода должны образовать промышленное общество, цель которого заключается в том, чтобы дать возможность его членам обменивать друг с другом производимые ими продукты без посредства денег. Вместо денег орудием обращения должны служить банковые билеты, которые обеспечиваются всем достоянием банка, а главным образом, тем, что все члены банка обязуются принимать эти билеты вместо денег. Банк не берет на себя обязательства разменивать билеты на звонкую монету. Банковые билеты не могут быть выпущены в излишнем количестве, потому что они выпускаются только под залог надежных торговых векселей. При дисконтировании векселей, как и при всех прочих подобных операциях, банк не взимает никакого процента с должников, кроме небольшой платы (для начала 1 %) за комиссию и для покрытия расходов банка. Если такой банк будет организован и в нем примет участие весь французский народ, то, по вычислениям Прудона, низшие классы населения сэкономят несколько миллиардов франков вследствие уничтожения денег и процента на капитал. Сверх того, производители найдут верный сбыт для своих продуктов, и промышленные кризисы прекратятся.

Прудон попытался осуществить этот проект с небольшими изменениями, заменив также название «меновой банк» на «народный»; но политические обстоятельства заставили его закрыть Народный банк раньше, чем новое учреждение приступило к операциям.

31 января 1849 года статуты нового учреждения были предъявлены нотариусу, а 11 февраля Народный банк был объявлен открытым. 12 апреля Прудон обратился ко всем акционерам банка с заявлением, что он не может больше руководить банком и принужден его закрыть. Причины такого внезапного решения заключались, по объяснению Прудона, в следующем: во-первых, он лично не мог принимать близкого участия в деле, потому что был осужден на тюремное заключение; во-вторых, общее политическое положение Франции настолько ухудшилось с того времени, как Луи Наполеон Бонапарт стал президентом республики, что теперь нечего и думать о социальных реформах — нужно бороться с реакцией и отложить до лучшего времени преобразование кредитного механизма в современном хозяйственном строе.

Ликвидация Народного банка сопровождалась многими неприятностями для Прудона. Враждебные газеты обвиняли его в том, что он надул своих доверчивых акционеров и сознательно привел дело к банкротству. Нечего и говорить, что эти обвинения были совершенно неосновательны и объясняются политической враждой. Со своими помощниками по устройству Народного банка Прудон тоже поссорился и обвинял их в предумышленной враждебности тому делу, которому они служили. Тогда его бывшие сотоварищи поместили в «*Démocratie Pacifique*» открытое письмо, в котором оправдывали свой собственный образ действий и выставляли в довольно некрасивом свете поведение Прудона. Так закончилась его попытка реформировать капиталистическое общество, не ограничивая свободы производства и не нарушая права собственности.

В теоретическом отношении проект Народного банка Прудона очень интересен, так как касался самых основных вопросов организации народного хозяйства и денежного обращения. В этом отношении задача, которую должен был решить Народный банк, может быть сформулирована следующим образом: гарантировать производителям постоянный и верный сбыт товаров при предположении полной свободы производства. Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы увидеть, что эта задача совершенно неосуществима. Каким образом найти сбыт таким товарам, которые почему-либо не нравятся покупателям или произведены в излишнем количестве против спроса? Чем может помочь во всех этих случаях какая бы то ни была реформа в области товарного обращения? Если требуется только миллион сапог, а их произведено два миллиона, то, если бы даже количество денег у населения удвоилось или утроилось, все равно никто не стал бы покупать ненужную ему пару сапог, которых он надеть не может. Не нужно забывать, что недостаточно продать товар покупателю; — нужно продать его по той цене, которая покрыла бы издержки производства. Если производители не могут приспособиться к новым условиям производства, например, если кустари или ремесленники принуждены конкурировать с фабриками, которые благодаря машинам и разного рода техническим усовершенствованиям могут производить такого же или лучшего качества товары по пониженной цене, то разве облегчение условий сбыта может помочь таким производителям, страдающим от непосильной конкуренции? Кризисы и все прочие вредные для народного хозяйства явления капиталистического строя вытекают не из недостатка орудий обращения, а составляют естественные и необходимые последствия промышленной свободы, при которой каждый производитель полагается на свой собственный расчет, не принимая в соображение других производителей. Для того, чтобы все товары находили себе сбыт, нужно одно из двух: или чтобы товары делались на заказ, то есть чтобы мы вернулись к ремесленному производству, к мелкой промышленности, — одним словом, к тому общественному строю, который господствовал в средние века; или же необходима организация производства, то есть стеснение свободы производителей, подчинение их всех какому-либо регулирующему общественному механизму. Прудон одинаково несочувственно относится и к тому и к другому выходу из этой дилеммы; но его попытка реформировать производство посредством реформы денежного обращения доказывает только, что он не понимал истинного значения денег в современном строе и в огромной степени преувеличивал роль этого фактора.

Первоначальный проект менового банка Прудона в одном отношении отличался от Народного банка в его окончательной форме. Меновой банк должен был выдавать своим акционерам банковые билеты только тогда, когда операция продажи товаров уже совершилась; банк дисконтировал векселя, то есть такие документы, которые неопровержимо доказывали, что на товар существует спрос. Это предохраняло банк от выдачи ссуд под товары, не находящие себе по каким-либо причинам сбыта. Но если банк ограничит свою деятельность дисконтированием векселей, то какую пользу он может принести тем производителям, которые не могут найти покупателя для своих продуктов? Благонадежные векселя охотно принимаются всяким банкиром, и меновой банк не оказал бы большой услуги народному хозяйству, если бы он в своих операциях придерживался тех же принципов, какими руководствуются современные кредитные учреждения. Прудон это заметил и несколько изменил статуты Народного банка. Банк должен был выдавать ссуды также под залог непроданных товаров. Задача банка была расширена, но вместе с тем она

сделалась невыполнимой. Если бы Народный банк открыл свои операции, то мы, без сомнения, наблюдали бы такие же явления, которые привели к крушению другие меновые банки, организованные на сходных началах: в банке скопились бы в изобилии никому не нужные товары и он не мог бы с ними разделаться, в то время как ходовые товары свободно находили бы себе сбыт. Пришлось бы рано или поздно ликвидировать дело, потому что акционеры банка никогда не согласились бы добровольно изображать из себя козла отпущения и покупать то, на что нет спроса.

Билеты Народного банка ни в каком случае не могли бы вытеснить из обращения металлических денег, потому что они сами по себе были лишены всякой внутренней ценности, и не существовало никакой гарантии того, что количество их не будет превышать потребности рынка в орудиях обращения. Облегчение условий кредита должно было в громадной степени увеличить спрос на кредит, который мог быть оказан только посредством выпуска банковых билетов. Число банковых билетов должно было расти до тех пор, пока переполнение рынка новыми бумажными деньгами не вызвало бы понижение их курса и общего промышленного крушения. Таковы были бы последствия устройства Народного банка в том случае, если бы публика относилась с доверием к новому учреждению и оно получило бы широкое развитие.

Можно думать, что идеи даровитого авантюриста и прожектера Джона Лоу оказали значительное влияние на выработку воззрений Прудона. У Лоу он заимствовал свои ошибочные представления о всемогущем действии кредита. Хотя Прудон и не одобряет практической деятельности Лоу, — выпуска в громадном количестве государственных бумажных денег, не обеспеченных в достаточной степени металлическим фондом; образования дутых акционерных компаний, биржевой спекуляции и прочего, — тем не менее к его теоретическим воззрениям он относится с большим уважением. Он говорит в «Экономических противоречиях», что до сих пор еще никто не понял идеи Лоу, не исключая и их творца, и что следует попытаться осуществить их на деле.

Но какое бы значение мы не придавали Народному банку Прудона, в любом случае проектируемая им кредитная реформа не могла бы существенным образом повлиять на отношения предпринимателя к рабочему, то есть на тот самый пункт, в котором заключается вся сущность рабочего вопроса. Уничтожение ссудного процента было бы очень выгодно для предпринимателей, которые бы увеличили свою прибыль за счет доходов рантье, но мы не видим, почему от этого должно было улучшиться положение рабочих. Отдельные рабочие не могли бы получить ссуды из Народного банка, ибо задачей последнего была реформа производительного кредита и он не мог заниматься мелкими и ничем не обеспеченными ссудами для потребительных целей. Рабочие ассоциации могли рассчитывать на кредит в Народном банке, но в настоящее время нельзя ожидать большого успеха от производительных ассоциаций, так как им приходится существовать при самых неблагоприятных условиях, конкурировать с капиталистическими предприятиями и подвергаться разрушающему влиянию чуждого им по своим принципам общественного строя. Поэтому успех Народного банка вовсе не был бы равносителен коренной реформе всей существующей экономической организации. Все осталось бы по-старому, пострадали бы только праздные рантье. Попытка Прудона перевернуть ось цивилизации была не менее утопична, чем фаланстеры Фурье, где страсти содействуют общему преуспеваю, или

идеальное государство Огюста Конта, в котором верховная власть разделена между учеными и банкирами.

Народный банк Прудона был далеко не единственной попыткой сокрушить власть золота и организовать безденежный обмен товаров. В 30-х годах Роберт Оуэн устроил в Лондоне банк, ссужавший производителей под залог товаров не деньгами, но особыми рабочими марками, которые должны были выражать количество труда, потраченного на производство данного товара. Особые оценщики определяли, скольким рабочим часам соответствует данный товар. Сначала банк имел успех, рабочие марки охотно принимались вместо денег, и даже некоторые лондонские театры открыли для них свои кассы. Но через два года банк был закрыт, потому что клиенты его не были довольны теми товарами, которые банк предлагал им в продажу. Курс рабочих денег все падал и поэтому банк перестал их выпускать и ликвидировал свои дела.

За несколько лет до февральской революции в Марселе был закрыт меновой банк Мацеля, который существовал в течение 16 лет и был во многих отношениях похож на Народный банк Прудона. Последнего обвиняли в плагиате, в том, что он заимствовал свои идеи банковской реформы у Мацеля, не называя своего предшественника и приписывая себе одному честь нового изобретения. Прудон утверждал, что он не был раньше знаком с банком Мацеля и впервые узнал о нем только тогда, когда статуты его собственного банка уже были обнародованы; сверх того, по его мнению, между обоими учреждениями существует такое глубокое различие, что не может быть речи о плагиате. Действительно, банк Мацеля не стремился довести до минимума высоту дисконтного процента и брал за свои ссуды такие же проценты, как и все прочие кредитные учреждения. Но несмотря на то, что в этом отношении Народный банк Прудона отличался от банка Мацеля, во всех остальных отношениях они имеют много общего; впрочем, из этого, разумеется, нельзя заключать о плагиате.

С банком Мацеля повторилась та же история, что и с банком Роберта Оуэна: сначала дело шло хорошо, но потом возникли затруднения в сбыте приобретенных банком товаров, и предприятие лопнуло. Удивительнее всего то, что этот банк мог просуществовать такой продолжительный срок.

Наконец, в 1849 году Боннар основал в Марселе меновой банк, который тем отличался от банка Оуэна и Мацеля, что выдавал ссуды только под залог таких товаров, спрос на которые не мог быть подвержен сомнению. Боннар значительно сузил задачи менового банка и превратил его в своего рода комиссионную контору, которая не специализировалась на какой-либо отрасли товаров, а перепродавала всевозможные продукты; так, например, ремесленник, который не имел наличных денег для покупки нужных для его ремесла материалов, мог обратиться в банк Боннара и последний выдавал ему эти материалы взамен обязательства со стороны ремесленника доставить банку продукты его собственного производства. Но банк соглашался на эту операцию только тогда, когда был уверен, что на приобретаемые им товары существует хороший спрос.

При этом отношении к делу банк мог бы преуспевать, если бы соблюдал в своих операциях должную осмотрительность и осторожность. Никаких социальных преобразований Боннар

не замышлял; его банк преследовал более скромные цели и в начале достигал их очень успешно. Банк был основан с капиталом в 2,5 тыс. р. и оборот его в первый же год достигал 250.000 р. Чистая прибыль (банк взимал обычный процент за свои комиссионные операции) равнялась 4325 р. — 173 % со всей суммы вложенного капитала. В 1852 году чистая прибыль уже достигала 38.000 р. Очевидно, банк мог существовать блестяще, но для этого требовалась величайшая осторожность при приеме товаров. Мало-помалу банком стали приниматься такие товары, на которые не было верного спроса, и банк, после судебного процесса, возбужденного одним недовольным клиентом, закончил свое существование в 1859 году.

Из этого примера мы видим, при каких условиях Народный банк Прудона мог бы рассчитывать на успех. Успех был бы возможен только в том случае, если бы Прудон, вместо коренной реформы всего капиталистического строя, задумал устроить комиссионную контору на широких началах. Такая контора была бы очень полезна и могла бы оказать производителям значительную помощь при сбыте продуктов; но нечего и говорить, что нельзя искать в комиссионных конторах решения социального вопроса.

ГЛАВА VI. Жизнь Прудона в тюрьме. — Его женитьба. — Отношение к жене и детям. — Литературные работы. — Теория анархизма. — Проекты разных хозяйственных предприятий

Не желая сидеть три года в тюрьме и не иметь никакой возможности принимать участие в политической жизни страны, Прудон решился бежать в Бельгию. Но ему было трудно прижиться вдали от Парижа; он привык к своей лихорадочной деятельности, которая доставляла ему громкую известность во всем мире, и его влекло вернуться во Францию и возобновить борьбу с Наполеоном. Он действительно через неделю возвратился под чужим именем в Париж, поселился там у своего приятеля и в течение нескольких месяцев удачно скрывался от полиции. Все это время Прудон усиленно работал — почти в каждом номере газеты «Le peuple» появлялись его статьи. По вечерам он выходил из своего убежища, которое не решался покидать днем из боязни быть узнанным, и гулял в отдаленных частях города. Мало-помалу публицист-гастролер сделался менее осторожным, начал показываться днем в модных местностях и даже прогуливаться по бульварам. Полиция его узнала, и 6 июля 1849 года он был арестован и заключен в тюрьму Сен-Пелажи.

Это было решительным поворотом в жизни Прудона. Его политическая роль закончилась навсегда, и вся его последующая жизнь представляет для историка меньше интереса, чем несколько месяцев его деятельности в качестве народного представителя и публициста в 1848 и 1849 годах. Внешние обстоятельства сложились для него очень неблагоприятно. Первое время тюремного заключения он мог свободно писать в своей газете, но, естественно, он не мог продолжать свою прежнюю борьбу с правительством; впоследствии свобода его была значительно ограничена, и он должен был почти совершенно отказаться от роли политического писателя. Когда срок заключения его кончился и он получил возможность делать все, что ему угодно, общественное положение Франции настолько изменилось, что ему нечего было и думать восстановить свое упавшее влияние. Тревожное и неустойчивое время февральской революции сменилось правлением Луи Наполеона, умевшего сурово подавлять всякую оппозицию и поддерживать в стране наружный порядок и спокойствие. Прудон на собственном опыте испытал, что бонапартовский режим был мало благоприятен для свободной мысли и независимой деятельности.

В тюрьме Прудон женился на простой работнице, с которой он был знаком уже несколько лет и которая заслужила его симпатию и благодарность своей бескорыстной преданностью. С его стороны не было и тени влюбленности; он давно решил жениться на простой и честной девушке, способной с успехом заниматься хозяйством и быть матерью его детей. В более молодые годы, когда можно было ожидать с его стороны более нежного отношения к женщинам, он был способен к любви так же мало, как и в сорок лет. В 1843 году Прудон пишет Аккерману следующее письмо: «Ностье приготовил для меня хорошенькую крестьянку из Нейли на Марне. Он предполагает, что по части женщин все, что нужно для философа — это крестьянка. Конечно, я не имею претензии на этот титул, но посмотрю на выбор, и, если мне суждено жениться, я с философским спокойствием покорюсь моей участи. Но меня беспокоит то, что вы, мой друг, влюблены и боготворите свою жену, как какой-нибудь *jeune-premier*. Подумайте, что вы будете в состоянии ей дать через 10 лет, через 3 месяца, через 6 недель?.. Неужели вы думаете, что честность, прямота, любовь к труду и благородство могут заставить ее позабыть разные мелкие недостатки, которых мы, мужчины, и не замечаем друг в друге?»

Для Прудона женщины были низшим существом, созданным для пользы и удовольствия мужчины. Не будучи от природы страстным и никогда не любив, он глубоко презирал всю поэзию любви и считал любовные увлечения недостойными сильного и умного мужчины. Сент-Бёв рассказывает, что еще в ранней молодости он умел укрощать свои чувственные побуждения при помощи следующего романтического средства: он вылезал ночью на крышу своего дома и смотрел на темное небо, усеянное звездами. Зрелище величавой и бесконечной природы охлаждало его пыл и к нему снова возвращалось самообладание. В зрелом возрасте он не нуждался в созерцании звездного неба для того, чтобы устоять против женского очарования, и вел жизнь почти аскетическую.

Его брак может быть назван до известной степени счастливым, так как он нашел в своей жене то, что искал — хозяйку и мать. Что была за личность его жена — сказать довольно трудно; по-видимому, она была малообразованна и не принимала никакого участия в интеллектуальной жизни своего мужа. Для последнего она мало значила сама по себе; он умел быть хорошим другом, любящим сыном и нежным отцом, но к своей жене относился

чрезвычайно холодно и даже жестоко. Когда она заболела и можно было опасаться ее смерти, Прудон боялся только того, что его дом останется без хозяйки, а дети без матери. Он пишет своему приятелю письмо, полное тревоги за будущее, и ни одним словом не выражает сожаления о жене. Очевидно, жена не была ему близким человеком и потеря ее не столько огорчала, сколько беспокоила его.

Совсем иначе Прудон относился к детям. Он их любил с такой искренностью, которую трудно было заподозрить в этом суровом и раздражительном человеке. По его собственному признанию, дети заполняли пустоту в его существовании. Он любит в письмах рассказывать разные эпизоды из их жизни, описывает их наружность, привычки и, видимо, сам живет их жизнью. У него было четыре дочери, из которых две умерли в раннем возрасте. Старшая, Катерина, названная так в честь его матери, родилась в то время, когда он был в тюрьме. В 1854 году, во время его собственной болезни, умерла его маленькая дочь, которой не было еще году; чтобы не расстраивать больного отца, от него это скрывали в течение недели. Когда же Прудон узнал, что его дочери нет в живых, то был глубоко потрясен этим известием и писал друзьям, что он буквально задыхается от горя.

В своих взглядах на задачи воспитания и на обязанности отца Прудон оставался вполне последовательным и верным самому себе. Он не заботился об образовании своих дочерей; они должны привыкнуть к труду, помогать матери — для того, чтобы быть истинными работницами, когда вырастут. Другой участи знаменитый публицист не желал для своих детей. В одном письме он так описывает свою старшую дочь Катерину, которая была его гордостью: «Катя исполняет все поручения, ходит в лавку и носит письма на почту. Дома она ухаживает за сестрой, накрывает на стол, собирает и моет посуду, катает белье и натирает пол. У нее много талантов! Правда, она едва умеет читать и писать и совсем незнакома с арифметикой; но это ничего — я из нее не собираюсь делать синего чулка».

Внешние условия жизни в тюрьме не были особенно тяжелы для Прудона. Он привык ко всяким лишениям, и тюремная камера казалась ему более удобным помещением, чем его прежняя квартира. Напротив здания тюрьмы жила его жена с дочерью; они могли во всякое время дня свободно видаться друг с другом из окна. Первое время заключения он пользовался значительной свободой и мог под честное слово на целый день уходить из тюрьмы. Тем не менее невозможность вести прежнюю жизнь и принимать участие в политической борьбе угнетала Прудона и приводила его иногда в мрачное расположение духа; в такие минуты он проклинал свою полемику, которая дала возможность правительству так ловко от него отделаться.

Он продолжал с прежним интересом следить за политическими событиями, которые давали блестящее доказательство справедливости опасений Прудона. Наполеон очевидно замыслил нарушить присягу конституции французов. Но нужно заметить, не к чести Прудона, что в тюрьме он не относился к Наполеону с такой же решительной враждой, с которой он относился к нему на свободе. Тюремное заключение в значительной степени охладило его пыл, его революционная горячка прошла окончательно, и мы лишь видим Прудона таким, каким он был до 1848 года. Он называет себя человеком полемики, а не баррикад, и выражает уверенность, что может достигнуть своих целей, обедая каждый день с префектом полиции. По своему неисправимому оптимизму он иногда мечтает сделать

Наполеона своим орудием и с его помощью организовать Народный банк. Сообщая об этом своим друзьям, Прудон заранее торжествует победу; он собирается послать правительству все статуты нового учреждения с пояснительной запиской от себя лично и надеется достигнуть того, что президент республики сделается главным акционером Народного банка. Нечего и говорить, что его надежды оказались основанными на иллюзиях.

Вскоре его газета «Le peuple» была закрыта, но его друзьям удалось через несколько месяцев основать новый орган «La voix du Peuple» с прежней редакцией и с прежним составом сотрудников. В первом же номере было помещено открытое письмо Прудона, в котором он заявляет, что время борьбы прошло и настало время рассуждений; он призывает республиканские партии к примирению и предостерегает редакцию от политики лести и предвзятой вражды к правительству.

Прудон имел право из своего заключения писать в газетах, и он деятельно пользовался этим правом. Он принимает живое участие в редакционных хлопотах «La voix du Peuple», дает руководящие мысли сотрудникам, указывает на недостатки вчерашнего номера и вообще выносит все дело на своих собственных плечах. Ему часто приходилось отечески журить Даримона и Эдмонда, молодых людей, заведовавших редакцией газеты; так например, 24 февраля 1850 года он пишет им из Сент-Пелажи: «Друзья мои, вы дети или автоматы? Когда я даю вам несколько мыслей, вы выбрасываете их на страницы газеты, как кулек крапивы. Я вам говорю, что власть ведет неверную политику, и вы начинаете одни во всей прессе кричать: „Измена!“ Этим вы накликаете на себя без всякой пользы и без всякой цели нескончаемые процессы. Вы говорите, что следуете моим внушениям; органная труба следовала бы им столь же искусно. Вы должны быть несколько понятливей и загладить свое безрассудство».

Почти в каждом номере «La voix du Peuple» появлялись подписанные и неподписанные статьи Прудона. Несмотря на умеренный тон этих статей, правительство было недовольно ими и несколько раз возбуждало против опасного публициста судебное преследование, но суд не признавал его виновным. В конце концов, при помощи угроз и дисциплинарных наказаний, правительство добилось того, что Прудон почти совсем перестал работать в газетах. Весь этот эпизод довольно любопытен, так как он рельефно характеризует Прудона как общественного деятеля.

В наказание за одну статью в «La voix du Peuple», Прудона лишили права свидания со всеми, кроме жены, и запретили ему выходить из тюрьмы. Через несколько дней после этого он написал префекту полиции униженное просительное письмо, из которого мы приведем некоторые выдержки. Он пишет: «Господин префект, благосклонное внимание, которое Вы мне оказывали столько раз, дает мне смелость обратиться к Вам с этим письмом, которое Вы можете рассматривать как чисто личное... Я Вас умоляю, господин префект, разрешить мне вновь свидания с мыслителями и ради этого я решаюсь, сколько это ни стоит моему самолюбию, дать торжественное обещание не помещать ни в каком периодическом издании ничего, касающегося политики и правительственных действий. Согласно Вашему желанию, я решительно заканчиваю свою роль публициста. Отныне мое единственное желание — заниматься научными вопросами с самой общей точки зрения, исключая всякие соображения буржуазии или пролетариата. Я надеюсь, что это обещание сделает

излишними всякие меры относительно моего поведения... Я критиковал при всеобщих аплодисментах социалистические утопии. Если доверять показаниям биржи, то я больше содействовал восстановлению порядка и спокойствия, чем вся полиция и жандармы».

Те послабления сурового тюремного режима, о которых просил Прудон, были ему оказаны, но он нарушил свои обещания и продолжал помещать в своей газете политические статьи. Его препроводили в цитадель в Дуллени и вновь запретили ему свидания. Он опять упал духом, писал отчаянные письма префекту полиции и министру внутренних дел, описывал им душевные страдания, которые испытывал в одиночестве, и просил о пощаде. Его просьбу уважили, но с угрозой усилить дисциплинарные взыскания, если он будет продолжать нарушать свои обещания. Прудон покорился и не только не решился сам полемизировать с правительством, но и прилагал все старания, чтобы общее направление «*La voix du Peuple*» имело более примирительный характер. Раньше он называл себя социалистом, теперь же советует своим сотрудникам по газете тщательно оттенить то различие, которое существует между социализмом и их собственным направлением. Он советует бросить на время политику, от которой все устали, и прежде всего народ, и обратить особенное внимание на то, чтобы их газета не выдвигалась вперед, не брала на себя ни в чем инициативы, так как «инициатива есть мученичество, а истина — такой кинжал, который убивает прежде всего того, кто его пускает в дело». Сам он во избежание дальнейших столкновений с полицией, решил передавать в ее руки всю свою корреспонденцию с внешним миром.

В обыденной жизни, среди своей семьи, Прудон кажется гораздо симпатичнее, чем на трибуне в Национальном собрании или среди революционной борьбы; трудно поверить, что один и тот же человек может так бодро выносить житейские неудачи и быть таким слабым и боязливым как общественный деятель. Он презирал Наполеона — и тем не менее писал униженные письма его министрам, советовал редакторам своей газеты ладить с правительством. Впоследствии он поддерживал деятельные сношения с принцем Наполеоном, льстил ему и говорил о славе имени Бонапарта в то время, как в частной переписке не находил слов, чтобы выражать свое негодование против узурпатора и его приверженцев. Такая двойственность Прудона вполне объясняет враждебное отношение к нему всех партий. Радикалы его положительно ненавидели и считали подкупленным правительством. Умеренные ему не доверяли и подозревали в нем тайные революционные замыслы. Он мог быть дружен только с людьми, стоявшими в стороне от текущей политической борьбы.

За время своего заключения он лишился всякого политического влияния. Его газета, расходившаяся раньше в 70 тысячах экземпляров, теперь едва могла собрать 15 тысяч читателей и не окупала расходов, хотя на ее страницах от октября 1849 до марта 1850 года Прудон вел чрезвычайно интересную и поучительную полемику с Бастиа, известным экономистом крайнего буржуазного направления, о социальном значении процента на капитал. Прудон сам предложил Бастиа публичный спор на эту тему, обязавшись помещать в своей газете все возражения противника. Спор был веден обоими экономистами довольно искусно, но победа осталась скорее на стороне Бастиа, хотя никто из споривших не признал себя побежденным. Прудон горячился, уклонялся в сторону, не возражал прямо на доводы противника и наполнял целые страницы излияниями об испорченности человеческого рода,

излияниями очень красноречивыми, но не к делу. Бастиа возражал более спокойно и логично, и потому его доводы производили на беспристрастного читателя более сильное впечатление, чем расплывчатая аргументация Прудона.

Заключение не мешало Прудону усиленно работать, и он за эти три года написал, помимо множества газетных статей, две крупные вещи — «Признания революционера» и «Идея революции XIX столетия». Эти сочинения особенно интересны тем, что в них наиболее точно развита теория анархизма как идеального общественного строя, к которому человечество должно стремиться.

Нечего и говорить, что анархия Прудона превосходит по неосуществимости все социалистические мечтания, которые он опровергает столько раз. Трудно сказать, в какой мере он сам верил тому, что говорил; пристрастие к парадоксам, по всей вероятности, осталось не без влияния на выработку его анархических теорий. Если бы он выставял анархию только как идеал, которого человечество достигнет в неопределенно отдаленном будущем, тогда было бы легче поверить его искренности; но он переносил свое требование анархии на почву практической политики, боролся во имя анархии с Луи Бланом, которого упрекал в пристрастии к государственному вмешательству, отрицал в Национальном собрании необходимость республиканской конституции, проповедовал анархию в своих газетах, — вообще поступал так, как будто упразднение государств есть дело близкого будущего. При этом, чтобы не раздражать правительства, он постоянно настаивал на том, что коренная реформа государственного строя должна быть достигнута мирным путем. Правительство Луи Наполеона с полным основанием не опасалось этой мирной проповеди анархии, полагая, что она не может иметь никакого влияния на общество и народ, и не препятствовало Прудону свободно развивать в газетных статьях и отдельных брошюрах свои неосуществимые идеалы.

Несмотря на громадное политическое влияние, которым Прудон пользовался в 1848 году, его материальное положение не только не улучшилось, но скорее ухудшилось после всех испытанных им превратностей судьбы. Он потерял на издании газет все свои небольшие сбережения, достигавшие нескольких тысяч рублей, и по выходе из тюрьмы ему предстояла трудная задача приискать себе какое-либо, хотя бы скромное, занятие для содержания себя и своей семьи. Он пишет Эдмонду незадолго до окончания срока тюремного заключения: «Я имею в виду после стольких химер приняться за свою старую службу наборщиком или приказчиком, так как литературой теперь нельзя существовать во Франции. Я задумал пересоздать экономическую науку и философию; сверх того, я занят всемирной историей. Со всем этим я справлюсь, ибо я привык работать в бедности среди всевозможных материальных неудобств. Первые свои труды я написал за типографским станком, набирая сам свои сочинения. „Экономические противоречия“ я написал за прилавком приказчика в Лионе. Последние мои произведения написаны мною в заключении. Свою жизнь я надеюсь окончить так же, как и начал. Я много трудился и в конце концов могу гордиться тем, что был одним из самых свободных людей на свете».

Такие письма имеют в себе что-то чрезвычайно трогательное: человек, который был одним из вождей своего народа, имя которого было известно всей Европе и который мог одно время надеяться стать во главе правления своей страны, думает, без всякой досады на

неблагодарное человечество и без раздражения на судьбу, искать места приказчика, как самый обыкновенный мелкий буржуа! Если бы не было документальных доказательств, трудно было бы поверить тому, в какой бедности прожил Прудон свою жизнь. В Брюсселе, где он после своего вторичного осуждения жил несколько лет со всей семьей, состоявшей к тому времени из шести человек, он платил за квартиру 10 рублей в месяц — и находил ее очень удобной. Естественно было бы ожидать, что он тяготился своей бедностью — но нет, Прудон никогда не жалуется на недостаточность своих материальных средств, отлично мирится со своим образом жизни, и только когда жить становится совсем нечем, тогда он приходит в мрачное расположение духа и начинает мечтать о разных грандиозных предприятиях, которые должны доставить торжество его принципам и обогатить его самого.

В 1852 году Прудон носился с мыслью предпринять совместно с другими литераторами и учеными Франции издание «Всеобщей биографии», содержащей в 50-60 томах жизнеописания всех героев человечества. Это издание, по его мысли, должно было иметь такое же значение для нашего времени, какое имел «Энциклопедический словарь» Дидро для XVIII столетия. Дело расстроилось за недостатком денег. Точно так же окончились неудачей хлопоты Прудона об основании своего периодического органа, газеты или журнала. Правительство Луи Наполеона продолжало косо смотреть на публициста, только что вышедшего из тюрьмы.

Хотя по закону во Франции цензуры не существовало и всякий француз имел право печатать все, что ему угодно, тем не менее фактически было невозможно напечатать что-либо неугодное правительству, так как издатели боялись судебного преследования и отказывались печатать сочинения, содержащие в себе критику правительственных действий. В этом Прудону пришлось убедиться немедленно после его освобождения. Он написал брошюру «Государственный переворот, как проявление революции», в которой доказывал, что диктатура Луи Наполеона Бонапарта, возникшая вследствие переворота 2 декабря, должна поставить своей задачей и целью осуществление идей февральской революции; только в этом случае Прудон признавал возможным оправдывать во имя народного блага совершившийся государственный переворот. В общем, эта брошюра была скорее благосклонна, чем враждебна Наполеону, и дала повод радикалам обвинять Прудона в бонапартизме. Но никто из издателей не решался ее издавать без предварительного разрешения власти. Тогда автор обратился со смелым, но почтительным письмом к самому президенту республики. Он признается, что был раньше решительным врагом президента, которого он подозревал в намерении уничтожить республику; в настоящее время он изменил свое мнение и видит в Наполеоне Бонапарте представителя революции, ибо обстоятельства сложились так, что Наполеон под опасением своего падения должен следовать революционным заветам 24 февраля; вследствие этого он просит разрешить печатание его брошюры, которая подробно развивает высказанные в письме мысли.

Просьба Прудона была уважена, и его книга появилась в печати вместе с письмом автора к президенту республики. Республиканская партия была очень недовольна новым сочинением Прудона, которое вышло в свет вскоре после того, как Наполеон грубо и насильственно захватил власть в свои руки и заключил в тюрьму или послал в ссылку всех энергичных защитников нарушенного им права.

Но несмотря на авансы, делавшиеся Прудонем Наполеону, правительство преследовало его сочинения и не разрешило ввоз во Францию другой его брошюры, «Философия прогресса», которая была напечатана в Брюсселе потому, что в Париже не находилось для нее издателя. Содержание этой книги имеет чисто теоретический характер и единственно, что могло в нем не понравиться власти, это несколько резких выражений о религии и церкви.

Прудону было бы совсем нечем жить, если бы он не получал некоторого дохода от своих анонимных сочинений; одно из них, «Руководство биржевого спекулянта», имело большой успех и разошлось в десятках тысяч экземпляров.

Первые годы после выхода из тюрьмы он со всей своей семьей вел уединенную замкнутую жизнь в Париже, составлявшую решительный контраст с бурной деятельностью в 1848 году. Его никто не посещал, кроме близких друзей, так как он лишился прежней популярности и получил в наследство от прошлого только вражду и ненависть своих многочисленных политических противников. Летом Прудон ездил в свою родную деревню, Бюржилль на Марне. Он жил в том же доме, где умерла его мать, и из его комнаты был вид на одну из самых красивых долин во Франш-Конте. По целым дням он с наслаждением слонялся по окрестностям, заговаривал с крестьянами, собирал орехи, ловил раков — вообще проводил время почти так же, как и 30 лет назад, когда десятилетним мальчиком пас коров своего отца.

Все это время он усердно искал места приказчика или поверенного по делам торговой фирмы; но его все избегали, боясь скомпрометировать себя связями с врагом государства и собственности. Прудон продолжал замышлять всевозможные хозяйственные предприятия, по большей части совершенно неосуществимые и доказывавшие его малую практическую опытность. Только раз судьба ему улыбнулась и он получил возможность если не разбогатеть, то несколько упрочить свое материальное положение. Он задумал устроить компанию для проведения железнодорожной линии от Парижа до Безансона. Каким-то образом его план оказался практичным и ему удалось набрать компанию капиталистов. Нужно было получить концессию от правительства. Того же добивалась вторая группа капиталистов, во главе которой стоял известный финансовый делец второй империи — Исаак Перейра. Прудон, по своему обыкновению, соединял с замышляемым предприятием самые фантастические представления. Он видел в компании Перейра олицетворение принципов сенсимонизма, — вероятно, потому, что его соперник, предприимчивый финансист, увлекался в молодости учением Сен-Симона. Борьба двух соперничающих компаний казалась Прудону борьбой идей.

Как и следовало ожидать, правительство дало концессию Перейре. Трудно сказать, по каким мотивам, но победители предложили Прудону и некоторым другим лицам, принимавшим участие в деле, 12.000 р. в вознаграждение за их не увенчавшиеся успехом хлопоты. Прудон категорически отверг предложение, сделанное ему в самой деликатной форме, и заявил, что он был заинтересован исключительно идейной стороной дела, а деньги и идеи — вещи несовместимые. Это было единственным денежным искушением в жизни Прудона, и он отнесся к нему, как честный и убежденный человек. Его не прельстила перспектива заполучить сразу «куш», несмотря на то, что именно в это время его материальное положение было настолько незавидно, что он думал эмигрировать из

Франции и начать новую жизнь за границей.

Политические события не могли внушить ему особой привязанности к его родной стране. Наполеон, сделавшись императором французов, стал во главе европейской реакции и возобновил времена солдатского деспотизма первой империи. Все лучшие и мыслящие люди Франции были возмущены управлением нового цезаря, но народ был утомлен политикой и желал одного спокойствия. Для Прудона, как и для многих других республиканцев, настало время глубокого разочарования в народе. В одном письме он говорит о своем политическом завещании: «Оно будет состоять из отдельных глав, и каждая глава, как у Исая, будет начинаться проклятием. Проклятие католицизму! Проклятие солдату! Проклятие чиновнику! Проклятие буржуа! Проклятие плебею! Проклятие всем! Все хотели этого, все виновны, республиканцы, социалисты, крестьяне, рабочие, буржуа, люди штыков и люди пера. Трусливая, тщеславная, чувственная нация, без нравственности, без веры, достойная быть растоптанной казацкими лошадьми!»

Когда началась Крымская война, Прудон с самым горячим интересом следил за известиями с театра военных действий. Он желал победы русским и нисколько не был увлечен патриотическим энтузиазмом, который в то время охватил французское общество. Победа Наполеона, по его мнению, могла бы только усилить империю и распространить на всю Европу тот деспотизм и солдатчину, от которых страдало его отечество. Если бы пришлось выбирать между Францией и человечеством, если бы нужно было пожертвовать родиной для осуществления идеалов свободы и равенства, он ни одной минуты не колебался бы в выборе. В этом отношении Прудон мало походил на своих соотечественников, в большей или меньшей степени затронутых шовинизмом.

В 1854 году он опасно заболел холерой, от которой у него умерла младшая дочь. В течение нескольких месяцев он не мог поправиться, и с тех пор его здоровье было расстроено навсегда. Интересно заметить, что даже в выборе способа лечения Прудон проявил оригинальность; он лечился у гомеопата, доктора Кретена, с которым впоследствии сошелся очень близко.

Блестящий успех Парижской всемирной выставки в 1855 году подал ему мысль устроить на месте выставки постоянный базар для сбыта разных изделий. Кое-кто из капиталистов отнесся сочувственно к этому плану, и вот мы видим 46-летнего Прудона, увлеченного, как юноша, своим новым проектом. Он мечтает осуществить нечто вроде Народного банка, только в гораздо больших размерах. Парижский базар должен сделаться центральным пунктом при обмене товаров, обороты его в скором времени должны достигнуть нескольких миллиардов франков в год, и вся экономическая организация страны должна мало-помалу принять другой вид. Но этот мыльный пузырь недолго тешил своими радужными красками уже немолодого мечтателя, и дело разладилось по недостатку средств.

ГЛАВА VII. Вторичное осуждение Прудона и бегство его в Бельгию. — Последние литературные произведения. — Возвращение в Париж. — Смерть Прудона

В 1858 году произошло новое столкновение Прудона с полицией. Он написал свое самое значительное по объему произведение «О справедливости в революции и церкви» и, опасаясь преследований со стороны правительства, послал с длинным объяснительным письмом экземпляр новой книги принцу Жерому Наполеону, с которым он поддерживал постоянную связь. Автор писал принцу, что его книга не имеет характера, враждебного империи и содержит в себе развитие тех же мыслей, которые он раньше высказывал много раз с разрешения самого императора.

Прудону стоило большого труда найти издателя для своего нового сочинения. Когда же оно вышло в свет, то в несколько дней было распродано 6000 экземпляров, и автор мог бы рассчитывать на блестящий успех, если бы императорское правительство не конфисковало через неделю всего издания и не привлекло самого автора к суду. Его приговорили к трем годам тюремного заключения и 1000 р. штрафа за оскорбление католической религии и общественной нравственности.

Такой суровый приговор отнюдь не был вызван недовольством правительства против политических теорий, которые Прудон развивал в своем новом сочинении; если оно и было направлено против кого-либо, то никак не против империи, а против католической церкви, к которой Прудон в свои последние годы относился настолько же враждебно, насколько он уважал ее в ранней молодости. Он приписывал осуждение своей книги влиянию клерикалов,

чрезвычайно раздраженных его нападка на католицизм. В этой книге Прудон описывает, среди прочего, разные эпизоды из своей жизни и опровергает биографические подробности, изложенные в одной незадолго перед тем вышедшей его биографии, написанной в клерикальном духе и имеющей характер довольно бесцеремонного пасквиля. Он останавливается довольно подробно над вопросом семейных отношений и брака и категорически высказывается против равноправности женщин — на том основании, что, по его совершенно произвольному предположению, умственные и физические силы женщины не превышают двух третей силы мужчины. Автор требует нерасторжимости супружеского союза; современная французская литература с ее проповедью свободной любви кажется ему признаком испорченности и нравственного падения нации. Брак должен налагать узы и направлять ко благу человечества стихийную силу любви, которая стремится сделать из женщины куртизанку; поэтому в своих собственных интересах женщина должна стоять за святость семейного очага.

Эта суровая защита супружеского долга в то время, когда романы Жорж Санд увлекали всю читающую публику, вызвала против Прудона взрыв негодования со стороны многих представительниц прекрасного пола. Его атаковали письменно и печатно, и он задумал посвятить отдельное сочинение защите своих взглядов на женщину и на брак, но разные занятия помешали ему выполнить это намерение, и обещанное сочинение было издано только после его смерти и то в далеко не законченном виде, под характерным заглавием «Порнократия».

Мы несколько раз говорили об отношении Прудона к женщинам, но его посмертное произведение превосходит по резкости и грубости взглядов все, что он писал раньше по этому поводу. Автор не признает, чтобы женщина могла достигнуть чего-нибудь значительного в области науки или искусства; среди представительниц прекрасного пола для него особенно ненавистны так называемые *esprits forts* и он во многих отношениях предпочитает им куртизанок. По его мнению, не нужно жениться на эмансипированных женщинах, но уже если такое несчастье случилось, то следует силой или убеждением сломить их волю и заставить признать власть мужа. Муж имеет право убить свою жену в случае нарушения с ее стороны супружеской верности, в случае пьянства или упорного, непобедимого непослушания.

Такие дикие суждения о женском вопросе человека, чрезвычайно умного и даровитого, горячо ненавидевшего реакцию и создавшего себе культ из идеи равенства, могут показаться чем-то ненормальным, находящимся в прямом противоречии со всей его натурой. Но в действительности его отношения к женщине естественным образом вытекали из условий его развития и объяснялись, прежде всего, его крестьянским происхождением. До конца жизни он не избавился от свойственного некультурным людям грубого и презрительного отношения к слабому полу, и в его характере было много той жестокости, которая составляет отличительную черту его деревенских земляков.

Не желая вторично поселиться на несколько лет в Консьержери, Прудон бежал из Франции в Брюссель. Первое время он не решался выписывать туда свою семью, не зная наверное, долго ли продлится его пребывание в бельгийской столице, которая сделалась к этому времени сборным пунктом французских эмигрантов. Он встретил среди них много прежних

знакомых, но так как республиканская партия всегда относилась к нему очень недоброжелательно, то его попытка сблизиться со своими товарищами по изгнанию не увенчалась успехом. Его обвиняли в бонапартизме, несмотря на то, что императорское правительство преследовало все его сочинения, как опасную заразу.

Брюссельское общество отнеслось ко вновь прибывшему изгнаннику более сочувственно; он быстро ознакомился с местным литературным кружком и нашел себе кое-какую работу, которая дала ему возможность выписать из Парижа жену и детей. Прудон очень скучал без своей семьи; в особенности чувствительна была для него разлука с младшей дочерью, с которой он любил проводить время, отдыхая от скучной обязательной работы ради насущного хлеба.

В таком скромном хозяйстве переезд из одного города в другой был целым переворотом; нужно было продавать мебель, устроить как-нибудь подешевле переезд, подумать о квартире на новом месте, — и мы видим Прудона совершенно поглощенного хозяйственными заботами. Его жена, отвечавшая его идеалам хорошей хозяйки, никак не могла помириться по переезде в Брюссель с неудобствами новой жизни; особенно ее сокрушала купленная в Брюсселе мебель, которая оказалась дороже и хуже старой. Когда читаешь описания того, как эта женщина убивалась при воспоминании о комоде и двуспальной кровати, оставшихся в Париже, то становится понятным презрительное отношение ее мужа к женщинам вообще. Может быть, ненависть последнего к образованным женщинам в значительной степени зависела оттого, что он был с ними мало знаком.

В 1858 году в Брюсселе состоялся научный конгресс по вопросу о литературной и артистической собственности. Прудон поместил в одной бельгийской газете две статьи по этому вопросу, доказывая, что не существует ничего общего между продуктами художественного и научного творчества и произведениями промышленной деятельности человека. Только последние могут принадлежать частным лицам на правах полной собственности, а произведения человеческой мысли составляют достояние всего человечества. Конгресс вотировал резолюцию в смысле положений Прудона и доставил последнему случай торжествовать победу. По своей склонности преувеличивать все в громадных размерах, Прудон считает резолюцию конгресса первой победой социальной революции, за которой вскоре должны последовать другие.

В следующем году он выпустил вторым изданием осужденную французским правительством книгу «О справедливости». В виде дополнения к ней он поместил краткие сведения о развитии революционной мысли во Франции и Европе за последние годы и с большим огорчением констатировал, что его соотечественники, которые раньше были самой передовой нацией в мире, теперь составляют нацию самую отсталую; он предсказывает для Франции полное нравственное и умственное падение в близком будущем.

Когда Наполеон начал войну с Австрией и при всеобщем сочувствии радикалов провозгласил свободу национальностей основным принципом международной политики, Прудон резко разошелся с общественным мнением и не одобрял новой войны, которая в самом лучшем случае могла только усилить императорское правительство. Он задумал

развить свои мысли в особом сочинении, которое ему удалось закончить только через два года.

По окончании войны Наполеон объявил амнистию политическим преступникам. Многие эмигранты не вернулись во Францию, не желая пользоваться милостью узурпатора. В числе таких добровольных изгнанников были Луи Блан, Виктор Гюго и многие другие. Прудон не последовал их примеру и собирался переехать в скором времени со всем семейством в Париж, несмотря на то, что первое время своего изгнания он давал торжественное обещание не возвращаться в свое отечество до тех пор, пока оно будет лишено свободы. Но, по толкованию амнистии императорским правительством, она не относилась к Прудону, который был осужден за преступление против общественной нравственности, а не за политический проступок. Правительство приравнивало сочинения Прудона к безнравственной литературе, спекулирующей на самых грубых инстинктах читателей, и не разрешало ему свободного возвращения на родину.

В 1860 году Лозанская академия объявила премию в 400 р. за лучшее сочинение по теории налогов. В академию было представлено 40 мемуаров; премию получило сочинение Прудона, написанное им специально для этого случая. Нечего и говорить, что Прудон был восхищен этим успехом и радовался ему, как ребенок. Судьба вообще не баловала его своими милостями, и он ценил каждую улыбку Фортуны.

В своем премированном сочинении он доказывает, что уплата податей и повинностей есть обмен услуг между гражданами и правительством. Он требует сокращения государственных расходов и понижения податей; главной основой в государственном бюджете должен быть поземельный налог, достигающий от $1/3$ до $1/6$ земельной ренты. Промышленные предприятия, имеющие публичный характер, например, железные дороги, почта, доки и так далее, также должны отдавать значительную часть своего чистого дохода государству; таким образом косвенные налоги, падающие в основном на рабочие классы, могут быть в значительной степени заменены прямыми налогами. К этому не особенно новому проекту податной реформы Прудон присоединяет сильную и резкую критику податной системы Франции. Его теория налогов мало оригинальна и интересна более тем, что наглядно показывает, каким изменениям подвергались его экономические воззрения за особенно продолжительное время.

В Национальном собрании и несколько лет спустя Прудон был противником всяких постоянных налогов, а в 1860 году он выработал целую систему налогов, необходимых для ревизования государственного бюджета.

Гораздо интереснее другое произведение Прудона, которое он писал с перерывами несколько лет, — его трактат по международному праву «О войне и мире». Это сочинение достойным образом заканчивает его критическую деятельность. Его определение собственности и государства глубоко расходилось с общепринятыми взглядами, и все привыкли считать Прудона парадоксальным писателем *par excellence*. Это мнение еще более укрепилось после выхода в свет его новой книги «О войне и мире».

Собственность, кредит, государство — все это проявления правового порядка вещей. На чем же основывается само право? Прудон в конце своей литературной карьеры дает на этот вопрос ответ не менее парадоксальный, чем его знаменитое определение «собственность есть кража», а именно: Право основывается на силе. Юристы принуждены это признать, но они утверждают, что право сильного господствует лишь у варварских, некультурных народов; по их мнению, цивилизация заключается в торжестве права над силой, в подчинении грубого физического начала духовному элементу. Это неверно — право сильного не менее законно, чем и всякое другое право. Война имеет свое основание и оправдание в том, что она составляет торжественное право силы; только узкие и ограниченные люди могут игнорировать этический элемент победы. Во время войны обнаруживаются самые благородные свойства человеческого характера — самопожертвование, патриотизм, доходящая до презрения смерти преданность идее. Для развития цивилизации, для осуществления справедливости, война была необходима, так как только посредством войн может установиться политическое равновесие между державами.

Многие друзья Прудона были недовольны его новым сочинением и открыто выражали порицание развиваемой им идее, что право основывается на силе. Но в сущности, если посмотреть на дело без излишней сентиментальности, придется согласиться с тем, что Прудон совершенно прав. Какое другое основание, кроме права силы можно привести в защиту тех территориальных захватов, посредством которых государства, победившие в войне, вознаграждают себя за счет побежденных?..

В 1860 году Прудон получил амнистию особым декретом императора, но в течение нескольких лет оставался в Брюсселе — отчасти вследствие хозяйственных затруднений, отчасти вследствие того, что опасался препятствий со стороны французской полиции при печатании его новых сочинений. К этому времени Прудону было уже более 50 лет и он чувствовал большую усталость от скитальческой и необеспеченной жизни, — тем более, что его здоровье совсем расстроилось и сильные головные боли лишали его по временам способности к работе. Как Дантон, он иногда восклицает, что человечество ему надоело. Ему больше всего хочется покоя. Он с радостью переселился бы в Безансон, если бы мог найти себе там какое-либо подходящее занятие.

Но, несмотря на усталость и физические страдания, Прудон продолжал принимать близко к сердцу все политические события. Он упрекал французских шовинистов в том, что они сами создали Франции опасного соперника, допустив усиление Пьемонта. Всеобщие восторги по поводу подвигов Гарибальди в Сицилии и Неаполе не увлекали его. По мнению Прудона, итальянский народный герой был преисполнен благородных чувств, но совершенно лишен здравого смысла, ибо рассудительный человек должен был бы понять, что единство Италии покупается ценой ее свободы. Его взгляды на польский вопрос также значительно расходились с ходячими воззрениями его соотечественников: он утверждает, что в настоящее время и невозможно, и нежелательно восстановление польского королевства, которое олицетворяет собою два отживших принципа — аристократию и католицизм. Он собирался развить свои мысли о польском вопросе в особом сочинении, но его время было занято вплотную другими трудами.

В 1862 году Прудон поместил в одном бельгийском журнале несколько статей об Италии и европейской политике вообще. Статьи эти обратили на себя общее внимание читателей, но бельгийская пресса была в высшей степени возмущена ими и обвиняла автора в том, что он желает присоединения Бельгии к Франции. Прудон не имел обыкновения отказываться от боя и с обычной резкостью начал полемику с враждебными органами печати. Борьба разгоралась и, наконец, приняла характер, опасный для самой личности Прудона. Рабочие и уличные мальчишки стали устраивать перед его домом враждебные манифестации, распевали патриотические песни и кричали оскорбления и угрозы по адресу дерзкого француза. По странному недоразумению, несмотря на то, что Прудон все время боролся с честолюбивой политикой Наполеона и никогда не сочувствовал завоевательным планам императора, брюссельское население упорно подозревало его в тайных замыслах против бельгийской свободы. В данном случае, как и во многих других, резкий стиль и пристрастие к слишком энергичным выражениям сыграли с Прудоном дурную шутку. Ему было совершенно невозможно оставаться в бельгийской столице, где он каждую минуту рисковал подвергнуться насилию со стороны раздраженной толпы, и он поспешно переехал, почти бежал в Париж.

Немедленно по приезде в Париж Прудон принялся за окончание начатого раньше труда, в котором хотел систематически развить свои политические взгляды, возбуждавшие столько недоразумений. С 1863 года он издал в Париже книгу «О принципе федерации и необходимости реорганизации революционной партии».

Это сочинение интересно тем, что в нем Прудон признает неосуществимость своих анархических идеалов, которые десять лет тому назад казались ему осуществимыми в близком будущем. Анархию он заменил федерацией, которая уже не заключает в себе ничего утопического. В сущности, все идеи Прудона казались утопичными только вследствие их формы; если отбросить риторические фигуры, украшения и все преувеличения, явно рассчитанные на эффект, то взгляды Прудона на политические и экономические вопросы будут заключать в себе мало парадоксального и очень часто окажутся далеко не соответствующими его социалистической репутации.

В июне 1863 года во Франции состоялись общие выборы в Законодательный Корпус. Прудон деятельно агитировал в пользу того, чтобы избиратели совсем воздержались от голосования, протестуя таким образом против империи. Избирательная кампания поссорила Прудона с Даримоном, который был депутатом и очень хотел быть вновь выбранным в палату, где он с немногими другими республиканцами составлял оппозицию правительству. Естественно, что он был очень недоволен тактикой Прудона, и их прежние дружеские отношения прекратились.

В начале 1864 года здоровье Прудона очень ухудшилось. В течение нескольких месяцев он не покидал постели, но не мог принимать лежачего положения и засыпал сидя. Ему было чрезвычайно трудно работать, его мысли путались и перо не писало. Между тем, ему нужно было писать, чтобы зарабатывать себе ежедневное пропитание. К счастью, один из близких друзей облегчил несколько его последние дни, ссудив ему 600 р.; эта небольшая сумма избавила Прудона на некоторое время от мучительной заботы о заработке, к которому он чувствовал себя совершенно неспособным до полного выздоровления. Все это не мешало

ему вести такую же деятельную переписку, как и раньше; его письма по-прежнему полны жизни и увлечения, по-прежнему он интересуется всеми политическими событиями и пишет своим друзьям пространные диссертации по политическим вопросам.

В августе он почувствовал себя немного лучше и предпринял для поправления своего здоровья поездку на родину, в горные отроги Юры. Он повидался с некоторыми земляками, с которыми ему долгие годы не приходилось встречаться и провел несколько дней у своего друга детства — доктора Маге. Между прочим он виделся с престарелым библиотекарем академии Вейсом, который более сорока лет тому назад удивлялся детской любознательности Прудона. Они вспоминали про старые годы, когда один из них был мальчиком, а другой взрослым человеком, и расстались со слезами, растроганные и умиленные воспоминанием о прошлом.

Поездка на родину доставила много удовольствия умирающему Прудону, но не поправила его здоровья. Он пробовал приняться за работу, но последние силы покидали его. Его старшая дочь вела за него переписку, и только за несколько дней до смерти он собрался с силами и сам написал несколько строчек благодарности одному приятелю, Бюзону, который прислал ему корзину прекрасных фруктов. Письмо это было последним. 19 января 1865 года Прудон умер на руках своей жены и старшей дочери.

При жизни он встречал мало сочувствия, но известие о его смерти произвело глубокое впечатление, и парижская пресса наперебой старалась выставить значение той утраты, которую понесло французское общество и литература. Все признавали его личные достоинства, его искренность в исследовании истины и его неутомимую энергию; даже клерикальные органы печати воздавали ему должное как человеку. Император Наполеон, благодаря которому Прудон три года просидел в тюрьме и должен был бежать из Франции, выразил вдове Прудона глубокое сожаление о смерти ее мужа. Свежая могила заставила всех позабыть на время политические соображения, которые при жизни Прудона отталкивали от него стольких людей.

После его смерти остался целый ряд оконченных и неоконченных сочинений. Они были изданы впоследствии его семьей и друзьями. Сочинения эти касались самых разнообразных вопросов политической и общественной жизни. В числе их были история Польши, теория собственности, история Наполеона I, исследование о принципах искусства и несколько критических томов о французской изящной литературе последнего времени. Все они не лишены интереса, хотя бы вследствие имени их автора, но далеко не имеют того значения, как предшествовавшие труды. Они ничего не прибавили к славе имени Прудона, которого потомство не забудет как честного и необыкновенно талантливого публициста и общественного деятеля, не лишенного слабостей, но с избытком искупившего их своей трудовой, исполненной лишений жизнью, направленной ко благу трудящейся массы, из которой вышел он сам.

ИСТОЧНИКИ

1. Karl Diehl. Proudhon, seine Lehre und sein Leben. 1889.
2. Putlitz. Proudhon, sein Leben und seine positiven Ideen. 1881.
3. Sainte-Beuve. Proudhon, sa vie et sa correspondance. 1872.
4. Ю. Жуковский. Прудон и Луи Блан.
5. Н. Михайловский, Прудон и Белинский.

Главным материалом при составлении биографии служили нам переписка Прудона, изданная его женою в 14-ти томах, и его собственные сочинения, в которых содержатся многочисленные автобиографические отступления. По замечанию Сент-Бёва, его переписка останется, быть может, самым капитальным произведением его жизни. Хотя с этим мнением и трудно согласиться, но, тем не менее, письма Прудона дают самую лучшую характеристику как его личности, так и его воззрений, и составляют драгоценный материал для историка той бурной и интересной эпохи, в которую жили и работал Прудон.